

К.БАЛЬМОНТЪ.

ИЗЪ МЯДОВОЙ
ПОДЪЯИ

Изъ
Міровой Поэзіи

~~L~~

~~B. 1945.12...~~

~~R~~

(ed and

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich

Изъ Міровой Поэзіи

Iz mirovoi poezii

(К. Д. Бальмонтъ)

519764

22. 3. 51

1 9 2 1

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

[Берлинъ]

PN

6065

R8 B35

1921

Предисловіе

Поэзия — свѣтлый и свѣтлый водосток, и когда душа приливает к этой виа, она поет из источника вѣчной юности.

Поэзия — горнило преобразующее нас, въ немъ руда отбрасываетъ отъ себя дрянь земной юности, и остается лишь драгоценный металл.

Жизнь въ свѣтломъ воздухѣ мировой Поэзии, знаменитѣйшее достиженіе и слышать въ сердцѣ кровавую причу.

Изъ многочисленныхъ достижений, отъ которыхъ мы имеемъ мировую поэзию, въ этой Книжкѣ много собрано то, что было во мнѣ особенного моего дѣла, которое дѣлаетъ и въ вѣчныхъ вѣрахъ нашей дѣятельности неувѣр-
датель.

К. Бальмонтъ.

1920. 8 октября.
Парижъ.

ПѢСНЬ О СИГУРДѢ

(Отрывокъ изъ Эдды)

Юный Сигурдъ пришелъ ко двору властителя Гьюки, и принять былъ дружески.

Онъ заключилъ съ сыновьями властителя, Гуннаромъ и Хёгни, кровный союзъ побратимства, и въ бракъ вступилъ съ дочерью его, Гудрунъ.

Онъ отправился въ путь вмѣстѣ съ Гуннаромъ, чтобъ его поддержать при его сватовствѣ къ Брингильдъ, которая, въ замкѣ, овѣянномъ пламенемъ, противилась всѣмъ женихамъ.

Нашли они залъ и огонь, и видятъ тамъ замокъ съ златою кровлей, а снаружи, кругомъ того замка, пылалъ огонь.

Гуннаръ ѣхалъ на Готи-конѣ, а у Хёгни былъ конь-Хольквиръ.

Гуннаръ горячитъ жеребца, направляя въ огонь, но конь отступаетъ, дыбясь.

Сигурдъ говоритъ: «Почему отступаешь, Гуннаръ?» Тотъ говоритъ: «Не хочетъ скакнуть въ огонь жеребецъ».

И проситъ Сигурда, чтобъ ему одолжилъ коня-Грани.

«Это возможно», промолвилъ Сигурдъ.

Ѣдетъ Гуннаръ на огонь теперь, и Грани не хочетъ идти.

Гуннаръ не возмогъ проскакать чрезъ огонь.

Мѣняють они свои лики.

Бдетъ тогда Сигурдъ, и мечъ-Грамъ у него
въ рукахъ, на ногахъ золотыя шпоры.

Огонь забился,
Какъ сумасшедшій.

До неба пламя,
Земля дрожить.

И мало кто
Изъ свиты мужа
Къ огню поѣхалъ,
Чтобъ проскочить.

Сигурдъ же — Грани
Мечомъ, не шпорой,
Предъ благороднымъ
Огонь погасъ.

Предъ жаднымъ къ славѣ
Все пламя — книзу,
Сверкнула сбруя,
Звенить узда.

Сигурдъ вступилъ въ пламя, нашелъ тамъ
жилище прекрасное, а въ жилищѣ сидѣла
Брингильдъ.

Она вопрошаетъ, кто мужъ.

Онъ себя называетъ Гуннаръ, сынъ Гьюки.

«Ты мнѣ предназначена въ жены по твоему
же рѣшенію, разъ я проскакалъ черезъ яркое
пламя, разсѣкъ твой пчелиный сотъ».

«— Не знаю я точно, какой я должна тебѣ
дать отвѣтъ», говорить она.

Сигурдъ на мощеномъ полу передъ ней
стоитъ, опершись на мечъ, и такъ говорить къ
Брингильдъ: —

«Великій я дамъ тебѣ свадебный выкупъ, зо-
лотомъ дамъ его и драгоценностями».

Съ сидѣнья она своего отвѣчаетъ ему, заботой объята, словно лебедь въ волнѣ, и мечъ у нея въ рукѣ, на головѣ ея шлемъ, была она въ латахъ.

«Гуннаръ», говоритъ она, «не говори мнѣ подобнаго, если не выше ты каждаго мужа, а тогда ты долженъ убить всѣхъ тѣхъ, кто искалъ меня, если на это дерзнешь. Въ битвѣ была я съ конунгами, съ Гарда-властителями, и окрашено было оружье мое кровью мужей, и еще мнѣ желается этого».

Онъ отвѣчалъ: —

«Много ты совершила великихъ дѣяній, но вспомни теперь свой обѣтъ, что, если чрезъ этотъ огонь на конѣ кто проскачетъ, ты пойдеши тогда съ мужемъ свершителемъ».

Въ этомъ она получила отвѣтъ настоящій и знакъ указующій рѣчи, встала, услышавъ, и дружески кланяется.

Тамъ онъ проводитъ три ночи, и дѣлать они постель.

Онъ вынимаетъ мечъ-Грамъ и кладетъ обнаженнымъ его межъ собою и ей.

Она вопрошаетъ его, что должно означать это.

Онъ говоритъ, что ему суждено было, чтобъ такъ онъ вступилъ со своею супругою въ бракъ, иначе же — смерть.

Тогда онъ кольцо у ней взялъ, и далъ ей другое кольцо изъ наслѣдства Фафнира-Дракона.

Онъ ѣдетъ затѣмъ черезъ тотъ же огонь къ сотоварищамъ.

И снова мѣняють они свои лики.

Былъ день, что онѣ, тѣ двѣ женщины, вмѣстѣ купаться пришли къ рѣкѣ.

Дальше Брингильдъ ушла, чѣмъ Гудрунъ. Спросила Гудрунъ, что это значитъ.

Брингильдъ говорить: —

«Почему тебѣ въ этомъ я должна равной быть, или въ чемъ другомъ? Мнѣ казалось, отецъ мой могущественнѣй твоего, я думала также, мой мужъ совершилъ много безстрашныхъ дѣяній, и чрезъ горячій огонь проскакалъ на конѣ. А мужъ твой — слуга у Іальпрака конунга».

Съ гнѣвомъ Гудрунъ отвѣчаетъ: —

«Была бъ ты умнѣе, когда бы молчала, чѣмъ мужа язвить моего. Слово есть всѣхъ мужей, что такого, какъ онъ, не рождалось, и порочить его не пристало тебѣ, потому что онъ первый твой мужъ, и имъ это былъ Фафниръ умерщвленъ, и онъ проскакалъ черезъ яркое пламя, гдѣ Гуннара ты конунга думаешь видѣть, и онъ это былъ, что съ тобою лежалъ, и кольцо тебѣ далъ съ руки своей, и кольцо твое взялъ, и вотъ, его можешь признать».

Брингильдъ на кольцо поглядѣла, и признала его.

Она поблѣднѣла, какъ будто бы мертвой была.

Брингильдъ домой возвратилась, и ни слова не молвила въ вечеръ.

Приходитъ Гуннаръ, вопрошаетъ, что значитъ ея печаль, и не можетъ ли онъ ей помочь.

Брингильдъ говорить: —

«Жить не буду я. Потому что Сигурдъ обманулъ меня, и не меньше тебя обманулъ, когда

ты дозволилъ ему войти въ постель мою. Не буду я двухъ мужей въ чертогѣ имѣть одномъ. Долженъ Сигурдъ умереть, или я, или ты, потому что онъ все разсказалъ Гудрунъ, и она попрекаетъ меня.

Въ мести клянется Гуиннаръ.

Къ Хёгни онъ держитъ рѣчь, о Сигурдѣ со-
вѣтуется.

«Въ чемъ преступленье»,
Промолвилъ Хёгни,
«Что ты задумалъ
Его убить?»
«— Сигурдъ далъ клятву,
Нарушилъ клятвы,
Онъ мой обманщикъ,
Хранитель клятвъ».
«— Брингильдъ на злобу
Тебя смущаетъ,
Внушаетъ злое,
Чтобъ боль свершить.
«Къ Гудрунъ въ ней зависть
За бракъ хорошій,
Тебѣ зловолить
За добрый бракъ».

Одни взялись тутъ
За волчье мясо,
Другіе взяли
Куски змѣи.
Изжаривъ, дали
Поѣсть Готторму.
Вкусилъ онъ волка
Предъ дѣломъ злымъ.
Змѣи поѣли,

Предъ тѣмъ какъ руку
Поднять на мужа,
Который мудръ.

Сигурдъ сражень былъ,
На югъ отъ Рейна,
И съ вѣтки воронъ
Такъ провѣщаль: —
«Властитель Гунновъ,
Могучій Атли,
Окрасить кровью
Свои мечи.
Для тѣхъ, кто спорщикъ,
Уничтоженъ,
Въ невѣрной клятвѣ
Ударъ мечомъ».

Гудрунъ, дочь Гьюки,
Стоить на волѣ
И первымъ словомъ
Такъ говорить: —
«Властитель смѣлыхъ,
Сигурдъ, Сигурдъ гдѣ?
Мои родные
Глядятъ впередъ!»
Но ей отвѣтилъ
Одинъ лишь Хёгни: —
«Зарубленъ нами
Мечомъ Сигурдъ.
Зарубленъ смѣлый,
И надъ могучимъ
Главу склоняетъ
Лишь сѣрый конь».
Брингильдъ тутъ смѣхомъ

Такъ разразилась,
Что содрогнулся
Кругомъ весь дворъ.

«Вамъ будутъ земли,
И каждый — витязь,
Затѣмъ что смѣлый
Сраженъ мечомъ».
Гудрунъ, дочь Гьюки,
Тогда сказала: —
«Злодѣйски-злобны
Твои слова.

Пусть сила злая
Сомнетъ Гуннара.
Кто жаждалъ мести,
Увидитъ месть».
Брингильдъ, дочь Будли,
Тогда сказала: —

«Вамъ будутъ земли,
Вашъ будетъ мечъ.
Но всѣмъ бы править
Сигурдъ, когда бы
Еще немного
Онъ пожилъ здѣсь.
И не пристало бъ
Владѣть Сигурду
Наслѣдствомъ Гьюки
И Готовъ тьмой,
Когда родилъ бы
Во власть народу
Онъ жадныхъ къ битвѣ
Пять сыновей».

Былъ поздній вечеръ,
Испили много.

Была бесѣда,
Какъ сладкій медъ.
И всѣ заснули,
Кто легъ въ постели,
Но всѣхъ позднѣе
Не спалъ Гуннаръ.
Ногою двигалъ,
О многомъ думалъ,
Сразитель воинствъ,
Онъ размышлялъ,
О чемъ на вѣткахъ
Тамъ говорили
Орелъ и воронъ
Надъ ихъ путемъ.
Брингильдъ проснулась,
Не спитъ дочь Будли,
Потомокъ царскій,
Предъ свѣтомъ дня.
«Хоть побуждайте,
Хоть мнѣ мѣшайте,
Бѣда случилась,
Я скорбь скажу».
Услышавъ это,
Всѣ замолчали,
Не разумѣя
Тотъ женскій крикъ.
Она же съ плачемъ
То рассказала,
Къ чему со смѣхомъ
Звала мужей.

«Гуннаръ, о, страшный
Мнѣ сонъ приснился,
Всѣ мертвы въ залѣ,

Какъ ледъ постель.
А ты, властитель,
Лишенъ отрады,
Въ оковахъ ѣдешь
Въ войска враговъ.
Весь родъ Нифлунговъ
Лишится силы,
Клятвопреступны
Вы всѣ, вы всѣ.
Ты не подумалъ,
Гуннаръ, что вмѣстѣ
Вы съ нимъ вступали
Въ кровавый слѣдъ.
Ему ты злою
Отмѣрилъ мѣрой,
За то, что первымъ
Тебя призналъ.
Сдержалъ онъ клятву
Передъ тобою,
Когда безстрашно
Пошелъ въ огонь.
Сдержалъ онъ клятву,
Какъ мой искатель,
А ты нарушилъ,
И преступилъ.

За тѣмъ, кто смѣлый,
Съ безстрашнымъ сердцемъ,
Какъ лебедь съ влаги,
Я улечу.
Я съ нимъ въ пыланьи
Соединилась,
И смерть судила
Намъ вмѣстѣ быть.

Быль мечъ межъ нами,
Мечъ закаленный
И съ каплей яда
Вдоль лезвія.
Съ тобой я буду,
Мечомъ сраженный,
И окруженный
Волной огня!»

Все совершилось
По предвѣщанью,
Кто былъ убійца,
Убить былъ самъ.
Гуннаръ былъ брошенъ
Во дворъ, гдѣ змѣи,
Напрасно арфой
Ихъ чароваль.
Грозой былъ Атли,
Рубили Гунны,
Быль звонъ оружья,
Быль стукъ копытъ.
Тѣснились кони,
И въ звукахъ ржанья
Промчались клики
Богатырей.

И мститель Атли,
Хмѣльной, упившись,
Быль безоружный
Убить Гудрунъ.
За братьевъ мстила,
Собанъ спустила.
И кровь излила
Концомъ меча.

Сожженъ былъ замокъ,
Дымились стѣны
Чертоговъ пышныхъ
И кладовыхъ.
Упали балки
На пепелище,
Сгорѣли жизни,
Пылалъ огонь.

Грузинская ода къ Тамаръ

Тамаръ, тебя пою, ты — солнце незаходящей красоты
Твой станъ точеный тонко строенъ и кроткій ликъ являешь ты.
Тамаръ, эфиръ молніеносный, словесный лугъ цѣлебныхъ травъ,
Ларецъ познаній, ключъ, текущій среди эдемовыхъ дубравъ.
Въ щедротахъ ты подобна морю, высокимъ духомъ — небесамъ,
Ты — милосердье, и смиренье, и упоеніе глазамъ.
Изъ края въ край идя съ побѣдой, и славой тронувъ гудъ струны,
Ты побѣдителей сразила, они тобой побѣждены.
Ты съ Богомъ раздѣлила страсти Его взнесеннаго креста,
Въ горахъ ты утвердила вѣру, ихъ высота тобой свята.
Всѣ люди власть твою признали, и люди-ль только слились въ хоръ.
Тебѣ подвластны львы въ равнинѣ, тебѣ послушны барсы горъ.
Тебя зовутъ свѣтила—солнцемъ, тебя возносятъ семь планетъ,
Но для пѣвцовъ ты недоступна, и до тебя дороги нѣтъ.

Четырестрочія Вступительныя
къ Грузинской поэмѣ 12-го вѣка
«Носящій Барсову Шкуру»

Онъ, что создалъ сводъ небесный, онъ, что
властію чудесной
Людымъ духъ далъ безтѣлесный, — этотъ міръ
намъ далъ въ удѣлъ.
Мы владѣемъ безпредѣльнымъ, многоразнымъ,
въ разномъ цѣльномъ,
Каждый царь нашъ, въ ликѣ дѣльномъ, ликъ
Его средь царскихъ дѣлъ.
Богъ, создавшій міръ однажды, отъ тебя здѣсь
обликъ каждый.
Дай мнѣ жить любовной жаждой, ей упиться
глубоко.
Дай мнѣ, страстнымъ устремленьемъ, вплоть до
смерти жить томленьемъ,
Бремя сердца, съ свѣтлымъ пѣньемъ, въ міръ
иной снести легко.
Льва, что знаетъ мечъ блестящій, щить и кошіи
свистъ летящій,
Ту, чьи волосы — какъ чаши, чьи уста — рубинъ,
Тамаръ, —
Этотъ лѣсъ кудрей агатный, и рубинъ тотъ
ароматный,
Я хвалою многократной вознесу въ сіяньи чаръ.
Не всеневными хвалами, я кровавыми слезами,

Какъ молитвой въ свѣтломъ храмѣ, восхваляю
въ стихахъ ее.

Янтаремъ пишу я чернымъ, тростникомъ черчу
узорнымъ.

Кто къ хваламъ прильнетъ повторнымъ, въ
сердце приметъ онъ копье.

Въ томъ велѣніе царицы, чтобъ воспѣть ея
рѣсницы,

Нѣжность губъ, очей зарницы, и зубовъ жем-
чужный рядъ.

Милый обликъ чернобровой. Наковальнею
свинцовой

Камень твердый и суровый руки мѣткія дробятъ.
О, теперь слова мнѣ нужны. Да пребудутъ въ
связи дружной.

Да звенить напѣвъ жемчужный. Встрѣтитъ по-
мощь Таріэль.

Мысль о немъ — въ словахъ завѣтныхъ, вспо-
минательно привѣтныхъ.

Трехъ героев звѣздосвѣтныхъ воспоетъ моя
свирѣль.

Сядьте вы, что съ колыбели тѣхъ же судебъ
волю зрѣли.

Вотъ запѣлъ я, Руставели, въ сердце мнѣ вошло
копье.

До сихъ поръ былъ сказки связной тихій звукъ
однообразный,

А теперь размѣръ алмазный, пѣсня, слушайте ее.
Тотъ, кто любитъ, кто влюбленный, долженъ
быть весь озаренный,

Юный, быстрый, умудренный, долженъ ярко
видѣть сонъ,

Быть побѣднымъ надъ врагами, знать, что
выразить словами,

Тѣшить мысль, какъ мотыльками, — если жъ
нѣтъ, не любить онъ.

О, любить! любовь есть тайна, свѣтъ, что
льнеть необычайно.

Неразгаданно, безкрайно свѣтитъ свѣтъ того
огня.

Не простое лишь хотѣнье, это — дымно, это —
тлѣнье,

Здѣсь есть тонкость различенья, — услыхавъ,
пойми меня.

Кто упоренъ въ чувствѣ жданномъ, онъ пребу-
детъ постояннымъ,

Неизмѣннымъ, необманнымъ, — гнетъ разлуки
приметь онъ.

Приметь гнѣвъ онъ, если надо, будетъ грусть
ему отрада.

Тотъ, кто зналъ лишь сладость взгляда, ласки
лишь, — не любить онъ.

Кто, горя сердечной кровью, льнулъ съ тоскою
къ изголовью,

Назоветъ ли онъ любовью эту легкую игру.

Льнуть къ одной, смѣнять другою, это я зову
игрою.

Если-жъ я люблю душою, — цѣлый міръ скорбей
беру.

Только въ томъ любовь достойна, что, любя
тревожно, знойно,

Пряча боль, проходитъ стройно, уходя въ
безлюдье, въ сонъ,

Лишь съ собой забыться смѣетъ, бьется, плачетъ,
пламенѣетъ,

И царей онъ не робѣетъ, но любви робѣетъ онъ.

Связанъ пламеннымъ закономъ, какъ въ лѣсу
идя зеленомъ,

Не предасть нескромнымъ стономъ имя милой
для стыда.
И, бѣжа разоблаченья, приметъ съ радостью
мученья,
Все для милой, хоть сожженъ, въ томъ восторгъ,
а не бѣда.
Кто тому повѣрить можетъ, что любимой имя
вложить
Въ пересуды? Онъ тревожитъ — и ее и съ ней себя.
Разъ ославишь, нѣтъ въ томъ славы, лишь дыха-
нiе отравы.
Тотъ, кто сердцемъ нелукавый, бережетъ любовь,
любя.
Той, чей голосъ — звонъ свирѣли, нить свивая изъ
кудели,
Пѣснь сложилъ я, Руставели, умирая отъ любви.
Мой недугъ — неизлѣчимый. Развѣ только отъ
любимой
Свѣтъ придетъ неугасимый, — или, смерть, къ
себѣ зови.
Сказку Персовъ, ихъ намеки, влилъ въ Грузин-
скія я строки.
Цѣнный жемчугъ былъ въ потокѣ. Красота
глубинъ тиха.
Но во имя той прекрасной, передъ кѣмъ я въ
пыткѣ страстной,
Я жемчужинъ отсвѣтъ ясный сжалъ оправою
стиха.
Взоръ, увидѣвъ свѣтъ однажды, преисполненъ
вѣчной жажды
Съ милой быть въ минутѣ каждой. Я безуменъ.
Я погасъ.
Тѣло все опять — горѣнье. Кто поможетъ!
Только пѣнье.

Троекратное хваленье — той, въ которой все —
алмазь.
Что Судьба намъ присудила, намъ должно быть
это мило.
Неизмѣнно, что бѣ ни было, любимъ мы родимый
край.
У работника — работа, у бойца — война за-
бота,
Если жъ любишь, такъ безъ счета вѣрь любви,
и въ ней сгорай.
Пѣть напѣвъ четырехъ строчно, это — мудрость, зна-
нье — точно.
Кто отъ Бога, — полномочно онъ поетъ, пере-
горѣвъ.
Въ малословьи много скажетъ. Духъ свой съ
слушателемъ свяжетъ.
Мысль всегда пѣвца уважить. Въ мірѣ власт-
вуетъ напѣвъ.
Какъ легко бѣжить свободный конь породы
благородной,
Какъ мячомъ игрокъ природный попадаетъ
мѣтко въ цѣль,
Такъ поэтъ въ поэмѣ сложной ходъ направить
безтревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядеть
кудель.
Вдохновенный въ самомъ трудномъ свѣтитъ
свѣтомъ изумруднымъ.
Грянувъ словомъ многогуднымъ, оправдаетъ
крѣпкій стихъ.
Слово Грузіи могуче. Если сердце въ комъ
пѣвуче,
Блескъ родится въ темной тучѣ, въ летѣ молній
вырѣзныхъ.

Кто когда-то сложить гдѣ-то двѣ-три строчки,
пѣсня спѣта,
Все же — пламенемъ поэта онъ еще не проблеснулъ.
Двѣ-три пѣсни, онъ слагатель, но, когда такой
даятель
Мнить, что вправду онъ создатель, онъ упрямый
только мулъ.
И потомъ. Кто знаетъ пѣнье, кто пойметъ стихо-
творенье,
Но не вѣдаетъ пронзенья, сердце жгущихъ,
острыхъ словъ,
Тотъ еще охотникъ малый, и въ ловитвахъ не
бывалый,
Онъ съ стрѣлою запоздалой къ крупной дичи
не готовъ.
И еще. Забавныхъ пѣсенъ въ пирный часъ
напѣвъ чудесенъ.
Кругъ сомкнется, весель, тѣсенъ. Эти пѣсни
тѣшатъ насъ.
Вѣрно спѣтыя при этомъ. Но лишь тотъ отмѣ-
ченъ свѣтомъ,
Назовется тотъ поэтомъ, долгій кто пропѣлъ
разказъ.
Знаетъ счетъ поэтъ усилю. Пѣсенъ даръ не
броситъ пылью.
И всему онъ изобилію быть велитъ усладой-ей,
Той, кого зоветъ любовью, передъ кѣмъ блеснетъ
онъ новью,
Кто, его владѣя кровью, пѣть ему велитъ
звучнѣй.
Только ей — его горѣнья. Пусть же слышать той
хваленья,
Въ комъ нашелъ я прославление, въ комъ
удѣлъ блестящій мой.

Хоть жестока, какъ пантера, въ ней вся жизнь
моя и вѣра.
Это имя въ токѣ размѣра я позднѣй внесу съ
хвалою.
О любви пою верховной — неземной и безгрѣхо-
вной.
Стихъ объ этомъ полнословный трудно спѣть,
бѣгутъ слова.
Та любовь отъ доли тѣсной душу мчитъ въ
просторъ небесный.
Свѣтъ сверкаетъ въ ней безвѣстный, здѣсь лишь
видимый едва.
Говорить объ этомъ трудно. Даже мудрымъ
многочудна
Та любовь. И здѣсь не скудно, — многощедро, —
пой и пой.
Все сказать о ней нѣтъ власти. Лишь скажу:
Земныя страсти
Подражаютъ ей отчасти, зажигая отблескъ
свой.
По-Арабски, кто влюбленный, тотъ безумный.
Точно сонный,
Видитъ онъ невоплощенной уводящую мечту.
Тѣмъ желанна близость Бога. Но пространства
та дорога.
Эти прямо, отъ порога, досягаютъ красоту.
Я дивлюсь, зачѣмъ безправно, то, что тайно,
дѣлать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь
— стыдить?
Всякій срокъ здѣсь — слишкомъ рано. День
придетъ, не тронъ тумана.
О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль
бередить?

Если тотъ, кто любить, плачетъ, это только то
и значить,

Что въ себѣ онъ жало прячетъ. Любишь, —
знай же тишину.

И среди людей, средь шума, объ одной пусть
будетъ дума,

Но красиво, не угрюмо, скрытно, все люби
одну.

Радость-дитя

«Нѣтъ мнѣ названья,
«Мнѣ только два дия».
Какъ же назвать?
«Нѣтъ счастливей меня;
«Радость — названье мое.»
Нѣжная радость
Да будетъ съ тобой,
Свѣтлая радость
Меч ой голубой
Смотрится въ сердце твое.
Нѣжная радость,
Есть-ли нѣжнѣй?
Свѣтлая радость
Только двухъ дней: —
Слушай съ улыбкой,
Я пѣсню пою,
Пѣсней привѣтствую
Радость мою.

Маленькій мальчикъ, потерявшійся

«Отецъ, отецъ, куда ты идешь?»

«О, не иди такъ быстро!»

«Отвѣть мнѣ, отецъ, я твой маленький мальчикъ,

«Иначе я потеряюсь».

Ночь была темна, не было отца,

Ребенокъ измокъ отъ росы;

Глубока была топь, и плакалъ ребенокъ,

И прочь улетали туманы.

Маленькій мальчикъ, найденный

Маленькій мальчикъ въ пустынномъ болотѣ,
Влекомый блуждающимъ свѣтомъ,
Началъ рыдать, но Богъ, всегда близкій,
Предсталъ, какъ отецъ, весь въ бѣломъ.

Онъ склонился къ нему, и за руку взялъ,
И, цѣлуя, привелъ его къ матери,
Въ то время какъ, блѣдная, въ долину пустынной,
Она искала любимаго мальчика.

Колыбельная пѣсня

Сладость сновъ, сойди, какъ тѣнь,
Сонъ, дитя мое одѣнь.
Сны, сойдите, какъ ручей
Лунныхъ ласковыхъ лучей.

Сладкій сонъ, какъ нѣжный пухъ,
Убаюкай дѣтскій слухъ.
Ангелъ кроткій, сладкій сонъ,
Обступи со всѣхъ стороуъ.

Смѣхъ, сверкай во тѣмѣ ночей
Надъ отрадою моею.
Будь съ нимъ лучшей изъ утѣхъ,
Материнскій нѣжный смѣхъ.

Каждой жалобѣ шепни: —
Задремли и отдохни.
Каждой жалобѣ скажи: —
Крылья легкія сложи.

Спи, дитя, счастливымъ сномъ,
Цѣлый міръ уснулъ кругомъ.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу надъ тобой.

Предо мной священный ликъ
На твоемъ лицѣ возникъ,

Твой Создатель здѣсь, во снѣ,
Горько плакалъ обо мнѣ.

Какъ невинное дитя,
Плакалъ, глазками блестя,
О тебѣ и обо всѣхъ,
И слезами смылъ нашъ грѣхъ.

И теперь глядитъ, любя,
Онъ съ улыбкой на тебя,
Въ снахъ ребенка спитъ онъ самъ.
Миръ землѣ и небесамъ.

Ночь

Скрылось солнце въ сонной дали,
Горитъ вечерняя звѣзда.
Птицы въ гнѣздахъ замолчали,
Я своего ищу гнѣзда.

Сводъ небесный высокъ,
И луна, какъ цвѣтокъ,
Неба тихая дочь,
Ясно смотреть на ночь.

Миръ вамъ, доли, рощи, нивы,
Гдѣ былъ восторгъ веселыхъ стадъ,
Гдѣ, легки и молчаливы,
Блуждая, ангелы блестятъ.

Ихъ нельзя увидать,
Но отъ нихъ благодать —
Всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ,
Всѣмъ вздыхающимъ снамъ.

То въ кусты они заглянуть,
Тепло ли птичкамъ въ ихъ гнѣздѣ.
То у норъ звѣриныхъ встануть,
Посмотрятъ, нѣтъ ли боли гдѣ.

Чуть кто горько вздохнетъ,
Пусть скорѣй онъ уснетъ,
Близъ него посидятъ,
Усыпятъ умъ и взглядъ.

Если волки жадно воютъ,
Они, жалѣя ихъ, стоятъ,
Грустнымъ видомъ успокоютъ,
И малыхъ агнцевъ сохранятъ.

Если жъ, робокъ и тихъ,
Кто погибнетъ изъ нихъ,
Всѣхъ загубленныхъ тутъ
Въ новый міръ поведутъ.

Тайна любви

Не ищи сказать любовь,
Разсказать ее нельзя.
Нѣжный вѣтеръ движется
Молча и невидимо.

Я сказалъ свою любовь,
Все ей сердце разсказалъ,
Съ трепетомъ и съ ужасомъ.
Ахъ, она сокрылась прочь.

Только что ушла она,
Странникъ мимо путь держалъ,
Молча и невидимо.
Вздохомъ онъ унесъ ее!

Тигръ

Тигръ, Тигръ, жгучій страхъ,
Ты горишь въ ночныхъ лѣсахъ.
Чей безсмертный взоръ, любя,
Создалъ страшнаго тебя?

Въ небесахъ или средь зыбей
Вспыхнулъ блескъ твоихъ очей?
Какъ дерзалъ онъ такъ парить?
Кто посмѣлъ огонь схватить?

Кто скрутилъ и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты былъ выкованъ — такой?

Чей былъ молотъ, цѣпи чьи,
Чтобъ скрѣпить мечты твои?
Кто взметнулъ твой быстрый взмахъ,
Ухватилъ смертельный страхъ?

Въ тотъ великій часъ, когда
Воззвала къ звѣздѣ звѣзда,
Въ часъ, какъ небо все зажглось
Влажнымъ блескомъ звѣздныхъ слезъ, —

Онъ, созданіе любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тотъ же ль онъ тебя создалъ,
Кто рожденье агницу далъ?

Книга Тэль

I

Дщери Серафима водили кругомъ
Свои золотыя стада,
Всѣ кромѣ младшей: Блѣдная,
Искала она сокровеннаго воздуха,
Чтобъ увянуть, подобно утренней ясности,
Уйти отъ смертнаго дня своего.
Внизъ по рѣкѣ Адонѣ
Слышится нѣжный голосъ ея,
И какъ капли разсвѣтныя, капли росы,
Упадаетъ тихая жалоба.
«О, жизнь вотъ этого Ключа,
«Жизнь нашего Источника.
«Для чего увядаетъ водный лотосъ?
«Для чего увядаютъ эти чада Источника,
«Рожденные только затѣмъ,
«Чтобъ улыбнуться и пропасть?
«А! Тэль — какъ взнесенная влагою радуга,
«И какъ уходящее облако,
«Какъ отраженіе въ зеркалѣ,
«Какъ тѣни въ водѣ,
«Какъ дѣтскіе сны, какъ улыбка на дѣтскомъ
лицѣ,
«Какъ голосъ тоскующей горлицы,
«Какъ день преходящій, какъ музыка въ воздухѣ.

«А! если бѣ хоть лечь мнѣ тихонько,
«Головою тихонько припасть,
«И спать такъ, дремать,
«Сномъ тихимъ, сномъ смерти,
«И слушать тихонько голосъ Того,
«Кто ходитъ въ саду въ вечернее время».

Дыша межъ смиренныхъ травъ,
Скромная Лилія Долины
Отвѣчала кроткой дѣвственницѣ такъ: —
«Я водная поросль, произрастеніе,
«И такая я малая,
«И люблю я быть въ низкихъ долинахъ,
«Такая я слабая,
«Что едва мотылекъ золотистый
«На главѣ моей можетъ присѣсть.
«Но меня Небеса посѣтили,
«И Тотъ, Кто взираетъ съ улыбкой на все,
«Проходя по долинѣ,
«Каждое утро,
«Длань надо мною Свою простираетъ,
«И мнѣ говорить: —
«Радуйся, травка смиренная,
«Новорожденный лилейный цвѣтокъ,
«Кроткая дѣва долинъ молчаливыхъ и скромныхъ
ключей;
«Ибо ты будешь одѣта въ сіяніе,
«И будешь напитаана манною утра,
«Пока лѣтній зной не растопитъ тебя,
«Близъ ручьевъ и ключей, чтобъ ты расцвѣла
«Въ безсмертныхъ долинахъ».
- «О чемъ же печалится Тэль?
«О чемъ же вздыхать владычицѣ Гарскихъ
долинъ?»

Она умолкла, въ слезахъ улыбнулась,
И замкнулась въ своемъ серебристомъ свя-
ти-
лицѣ.

И отвѣтила Тэль: —

«О, смиренная дѣва мирной долины,
«Дары свои тѣмъ отдающая, кто не можетъ
потребовать,

«Безгласнымъ, усталымъ; дыханье твое
«Питаешь ягненка невиннаго,
«Онъ вдыхаетъ воздухъ одеждъ твоихъ млечныхъ,
«Онъ срѣзаетъ твои цвѣты,
«А ты глядишь, улыбаешься прямо ему въ лицо,
«Стирая съ его кротко-мягкаго рта
«Заразительность пятенъ.

«Твое вино очищаетъ
«Золотистый медь;
«Твое благовонье, которое ты разсыпашь
«По каждому малому листику возникающихъ
травъ,

«Оживляетъ тучныхъ коровъ,
«Укрошаетъ коней огнедышащихъ.
«А Тэль — какъ невѣрное облако,
«Зажженное солнцемъ встающимъ: —
«Я исчезаю,

«Я оставляю престолъ свой жемчужный,
«И кто мое мѣсто найдетъ?»
«Царица долинъ», отвѣчала ей Лилія,
«Вопроси вонъ то нѣжное облако,
«Почему оно искрится въ утреннемъ небѣ,
«Почему развѣваетъ по влажному воздуху
«Блестящестъ своей красоты.
«Снизойди, о, малое облачко,
«И помедли предъ взорами Тэль».

Облачко внизъ опустилось;
А Лилія кротко склонила главу,
И въ мысляхъ заботамъ своимъ отдалась,
Многочисленнымъ,
Среди зеленѣющихъ травъ.

2

«О, малое Облако»,
Промолвила дѣвственная,
«Скажи мнѣ, скажи, отчего ты не жалуешься,
«Вѣдь ты увядаешь въ единый часъ,
«Мы поищемъ тебя — и вотъ, не найдемъ.
«А! Тэль подобна тебѣ,
«Я прохожу — но я сѣтую,
«И мой голосъ не слышитъ никто.»

Открыло тутъ облако
Свою золотую главу,
И его лучезарная форма
Скользнула, мелькнула, и, блистая по воздуху,
Предстала предъ взорами Тэль.
«О, дѣвственная, ты, значить, не знаешь,
«Что пьютъ наши кони изъ тѣхъ златоструйныхъ
источниковъ,
«Гдѣ Люва смѣняетъ своихъ лошадей?
«Ты смотришь на юность мою и боишься,
«Потому что вотъ я исчезаю,
«И больше не видно меня?
«Не остается ничто.
«О, дѣва! Но я говорю тебѣ: —
«Я, уходя, ухожу къ жизни удесятеренной,
«Къ миру, къ любви, къ святымъ восхищеніямъ.
«Незримо сходя, тяготѣютъ

«Безтѣлесныя крылья мои
«Надъ бальзамическимъ ликомъ цвѣтовъ,
«Къ Росѣ свѣтлоглазой ласкаются,
«Чтобъ впустила меня она въ свой золотистый
шатерь: —
«Дѣва въ слезахъ преклоняется съ трепетомъ
«Предъ восходящимъ Солнцемъ,
«Пока мы не встанемъ, соединенные,
«Золотая сольетъ насъ перевязь,
«И никогда уже не разлучимся,
«Блуждаемъ, соединенныя,
«Питая всѣ кроткіе наши цвѣты».

«Правда, о, малое Облако?
«Я боюсь, что мы не похожи;
«Потому что я прохожу по Гарскимъ долинамъ,
«И вдыхаю дыханье нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ,
«Но не питаю я малыхъ цвѣтовъ;
«Щебетаніе птицъ слышу я, но ихъ не питаю,
«Онѣ улетають и сами находятъ свой кормъ.
«Но Тэль имъ ужъ больше не радуется,
«Ибо я увядаю.
«И всѣ скажутъ: «Безъ пользы жила
«Эта блестящая женщина.
«Не жила ли она лишь затѣмъ,
«Чтобы въ смерти быть пищей червямъ?»

Облако нѣжно склонилось
На своемъ воздушномъ престолѣ,
И такъ отвѣчало: «О, дѣва небесъ,
«Если ты пища червямъ,
«Какъ велико это, какъ велико благословенье
твое.

«Все, что живетъ, живетъ не одно, не для себя
одного.

«Не бойся, Червя воззову я безсильнаго
«Съ низкаго ложа его,
«И ты его голосъ услышишь.
«Приди, о, Червь безмолвной долины,
«Къ царицѣ задумавшейся».

Безпомощный Червь поднялся,
И на лилейномъ листкѣ помѣстился,
А блестящее Облако дальше поплыло, впередъ,
Чтобъ найти подругу въ долинѣ.

3

Тогда Тэль, удивленная,
На Червя посмотрѣла,
Межъ тѣмъ какъ раскинулся онъ на росистомъ
ложѣ своемъ.

«Неужели ты — Червь, образъ слабости?
«Я вижу тебя какъ ребенка,
«Закутаннымъ въ нѣжный лилейный листокъ.
«О, не плачь, малый голосъ;
«Говорить ты не можешь, но можешь ты плакать.
«Это — Червь?
«Я вижу тебя, ты лежишь, обнаженный, безпо-
мощный,
«Въ слезахъ, и никто не отвѣтитъ тебѣ,
«Приласкать тебя некому
«Съ материнской улыбкой».

Глыба Земли слышала голосъ Червя,
И, проникнувшись жалостью,
Главу подняла свою,

Надъ ребенкомъ заплакавшимъ нѣжно скло-
нилась она,
Млечною нѣжностью жизнь ея тайно дохнула,
Потомъ устремила на Тэль она пристальный
взглядъ
Смиранныхъ очей своихъ.

«О, красота этихъ Гарскихъ долинъ,
«Не для себя самихъ мы живемъ.
«Ты видишь, кажусь я и скудной и низкой
такою.

«Я и есть такова.
«Сама по себѣ, грудь моя холодна,
«Темна моя грудь, сама по себѣ;
«Но Тотъ, Кто любить всѣхъ скудныхъ,
«На главу мою миро свое изливаетъ,
«И цѣлуетъ меня, и обвязываетъ
«Перевязь свадебную
«Вкругъ груди моей, самъ говоря: —
«Мать дѣтей моихъ, Я полюбилъ тебя,
«И вѣнецъ тебѣ дамъ, тотъ вѣнецъ
«Никто не возможетъ отнять.
«Но какъ это, нѣжная дѣва, —
«Я просто не знаю,
«Какъ могу это знать я?
«Размышляю надъ этимъ и все жъ размышлять
не могу,
«Но вотъ я живу и люблю».

Дщерь Красоты отерла
Глаза свои скорбные бѣлымъ покровомъ своимъ,
И молвила: «Ахъ, я не знала этого,
«Потому я и плакала.
«Богъ любить Червя,

«Онъ накажетъ ту злую стопу, что умышленно
«Будетъ давить беззащитную форму.

«Это я знала;

«Но что въ пищу ему Онъ даетъ млеко и миро,
«Этого я никогда не слыхала, не знала — и пла-
кала.

«И въ воздухѣ кроткомъ я жаловалась,

«Ибо я увядаю,

«И ложусь на холодное лоно твое,

«Свой блестящій удѣлъ покидаю».

«Царица Долины», отвѣтила ей праматерь Земля,

«Я слышала вздохи твои,

«И всѣ твои жалобы

«Надъ кровлей моею пролетали,

«Но я позвала ихъ внизъ.

«Хочешь ли ты, о, царица, войти въ мой домъ?

«Дано тебѣ въ домъ мой войти и вновь возвра-
титься;

«Не бойся же здѣсь ничего,

«Да вступишь сюда, о, дѣвственная».

4

Страшный Привратникъ вѣчныхъ вратъ

Поднялъ сѣверный засовъ;

Тѣль вошла и увидѣла тайны страны невѣдомой.

Она увидала постели мертвыхъ и тѣ мѣста,

Гдѣ волокнистый корень каждаго сердца

Глубоко на землѣ отпечатываетъ

Изгибы свои ненасытные;

Увидала страну печали и слезъ,

Гдѣ никогда не бывало улыбки.

Блуждала она въ краѣ тучъ,

Въ странѣ, гдѣ долины темныя,
Слушала вопли и жалобы,
Вдругъ останавливалась,
Плакала возлѣ росистыхъ могилъ.
Она стояла въ молчаніи,
Вникала она въ голоса глубинъ,
Межъ могилъ пришла къ своей собственной,
Тамъ сѣла она, и слышала
Голосъ скорби, примчавшійся,
Какъ вздохъ, изъ пустой и глубокой ямы.
«Почему слухъ не можетъ закрыться
«Для собственной гибели?
«Или блистающій глазъ
«Для отравы улыбки?
«Почему наполнены вѣки стрѣлами,
«Остріями, готовыми тотчасъ убить?
«Тамъ тысяча, смерть приносящихъ, воителей
«Въ засадѣ лежить, —
«Или глазъ даровъ, глазъ щедротъ, устремляющій
«Дождь плодовъ и чеканнаго золота.
«Зачѣмъ заклеименъ нашъ языкъ
«Медомъ отъ каждаго вѣтра?
«Зачѣмъ слухъ, этотъ водоворотъ,
«Свирѣпо въ себя вбирающій сѣть мірозданій?
«Зачѣмъ ноздри, широко вдыхающія ужасъ,
«Дрожащія, ноздри испуганныя?
«Зачѣмъ узда щекочущая
«На пламенномъ юношѣ?
«Зачѣмъ низкая эта завѣса —
«Тѣло на ложѣ нашихъ желаній?»

Тѣль вскочила, и съ крикомъ назадъ побѣжала,
Безпрепятственно,
Пока не достигла знакомыхъ Гарскихъ долинъ.

Кубла Ханъ

Въ странѣ Ксанадъ благословенной
Дворецъ построилъ Кубла Ханъ,
Гдѣ Альфъ бѣжитъ, потокъ священный,
Сквозь мглу пещеръ гигантскихъ, пѣнный,
Впадаетъ въ сонный океанъ.

На десять миль оградой стѣнъ и башенъ
Оазисъ плодородный окруженъ,
Садами и ручьями онъ украшенъ,
Въ немъ виміамъ цвѣты струятъ сквозь сонъ,
И древній лѣсъ, роскошенъ и печаленъ,
Блится тамъ воздушностью прогалинъ.

Но между кедровъ, полныхъ тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда подъ блѣдною луной
Такъ пышенъ не былъ тотъ уютъ лѣсной,
Гдѣ женщина о демонѣ рыдала.
Плѣнительное мѣсто! Изъ него,
Въ кипѣннй непрерывнаго волненья,
Земля, какъ бы не въ силахъ своего
Сдержатъ неумолимаго мученья,
Роняла внизъ обломки, точно звенья
Тяжелой цѣпи: Между этихъ скалъ,
Гдѣ камень съ камнемъ бѣшено плясалъ,
Рождался внезапное теченье,

Потокъ священный воды быстро мчалъ.
И на пять миль, изгибами излучинъ,
Потокъ бѣжалъ, пронзивъ лѣсной туманъ,
И вдругъ, какъ бы усиленъ замученъ,
Сквозь мглу пещеръ, гдѣ мракъ отъ влаги
звученъ,
Въ безжизненный впадалъ онъ океанъ.
И изъ пещеръ, гдѣ человѣкъ не мѣрялъ
Ни призрачный объемъ, ни глубину,
Рождались крики: Внявъ имъ, Кубла вѣриль,
Что возвѣщаютъ праотцы войну.

И тѣнь чертоговъ наслажденья
Плыла по глади влажныхъ сферъ,
И стройный гулъ вставалъ отъ пѣнья,
И странно-слитенъ былъ размѣръ
Въ напѣвѣ влаги и пещеръ.
Какое странное видѣнье —
Дворецъ любви и наслажденья
Межъ вѣчныхъ льдовъ и влажныхъ сферъ.

Стройно-звучные напѣвы
Разъ услышалъ я во снѣ,
Абиссинской нѣжной дѣвы,
Пѣвшей въ ясной тишинѣ,
Подъ созвучья гуслей сонныхъ,
Многопѣвныхъ, многозвонныхъ,
Лившихъ зовъ струны къ струнѣ.
О, когда бъ я вспомнилъ взоры
Дѣвы, пѣвшей мнѣ во снѣ
О Горѣ святой Аборы,
Духъ мой вспыхнулъ бы въ огнѣ,
Все возможно было бъ мнѣ.
Въ полнозвучные размѣры

Заклучить тогда бѣ я могъ
Эти льдистыя пещеры,
Этотъ солнечный чертогъ.

Ихъ всѣ бы ясно увидали
Надъ зыбью, полной звоновъ, дали,
И крикъ пронесся бѣ, какъ гроза: —
Сюда, скорѣй сюда, глядите,
О, какъ горять его глаза!
Предъ пѣснопѣвцемъ взоръ склоните,
И, этой грезы слыша звонъ,
Сомкнемся тѣснымъ хороводомъ,
Затѣмъ что онъ воскормленъ медомъ
И млекоу Рая напоенъ!

Уединеніе

Я говорю: Какое побужденіе,
Какой толчокъ втеченіи долгихъ лѣтъ
Отшельника манилъ въ лѣсную чашу
Къ его безмолвной кельѣ? Чтѣ его
Въ пустынь укрѣпляться заставляло,
Какъ бы бросать тамъ навсегда свой якорь,
Пока онъ не смежитъ свои глаза,
Въ послѣдній разъ пославъ свой взглядъ про-
щальный

На солнце и на звѣзды? — О, не только
Страхъ предъ мечомъ грозящимъ, угрызенья,
Обиды непоправленныя рокомъ,
И оскорбленій боль неотомщенныхъ,
Такихъ, что отомстить за нихъ нельзя,
Растоптанная гордость, перемѣна
Въ благополучьи, ужасъ нищеты,
Что умъ на край безумія приводитъ,
Обманутая дружба, боль влеченья,
Въ другомъ не пробудившаго взаимность,
Съ отчаяніемъ слитая любовь,
Иль мука, что дошла до агоніи; —
Онъ не всегда бѣжалъ отъ нестерпимыхъ
Невыносимыхъ пытокъ; но нерѣдко,
Влекомый безмятежнымъ наслажденіемъ,
Онъ счастья искалъ, свободы, мира;
Затѣмъ что въ нашемъ счастьи — оущеніе
Центральное есть миръ.

Ему хотѣлось видѣть постоянство,
Что было, есть и будетъ безконечно,
Себѣ такой награды онъ искалъ.
И что другое было твердой скрѣпой
Для братства, что воздвигло монастырь,
Высоко на скалѣ, — пріютъ воздушный, —
Или въ уединенія долины, —
Что привлекло ихъ всѣхъ изъ дальнихъ мѣстъ,
Содружествомъ ихъ сливши неразрывнымъ? —
Инстинктъ успокоенія всемірный,
Желанье подтвержденнаго покоя,
Внутри и внѣ; возвышенность, смиренность;
Жизнь, гдѣ воспоминанье и надежда
Слились въ одно, и гдѣ земля спокойна,
Гдѣ ликъ ея мѣняется едва
Работой рукъ для нуждъ неприхотливыхъ,
Иль силою круговращенья года,
Гдѣ царствуетъ безсмертная Душа,
Въ согласіи съ своимъ закономъ яснымъ,
И небо для услады созерцанья
Открыто въ невозбранной тишинѣ.

Прометей

Отрывокъ

Ты — символъ смертныхъ, ихъ борьбы,
Ихъ бѣдъ, ихъ силы, и судьбы,
Ты — яркій знакъ земной печали.
Какъ ты, людское существо —
Наполовину божество,
Ручей, что чистъ въ своемъ началѣ,
Но льется мутною волной.
Мы можемъ частію предвидѣть
Могильный нашъ удѣлъ земной,
Впередъ страдать и ненавидѣть.
Но всѣмъ проклятыямъ вѣчной тьмы,
Всей этой горечи и боли,
Противоставить можемъ мы
Нашъ духъ, упорство твердой воли,
И эту чувства глубину,
Что даже въ ужасахъ терзанья
Провидѣть можетъ воздаянье,
Порвать надъ тайной пелену,
И гордо презирая бѣды,
Не дастъ себя поработить,
И будетъ властна превратить
Мгновенье смерти въ мигъ побѣды.

Сгансы для музыки

1

Кто сравнится въ высшемъ спорѣ
Красотой съ тобой?
Точно музыка на морѣ
Нѣжный голосъ твой.
Точно музыка въ туманѣ
На далекомъ океанѣ,
Въ часъ, какъ вѣтры, въ сладкихъ снахъ,
Чуть трепещуть на волнахъ.

2

Въ полночь мѣсяцъ чуть колышетъ
Воды въ глубинѣ;
Лоно моря еле дышетъ,
Какъ дитя во снѣ.
Такъ душа, полна мечтою,
Чутко дышетъ красотою;
Нѣжно въ ней растетъ прибой,
Зачарованный тобой.

Облако

Прохладу дождей, и съ ручьевъ и съ морей,
Я несу истомленнымъ цвѣтамъ,
Въ удушливый день мимолетную тѣнь
Я даю задремавшимъ листамъ.
Живую росу на крылахъ я несу,
Пробуждаю ей почки отъ сна,
Межь тѣмъ какъ легли они къ груди земли,
Пока пляшетъ вокругъ солнца она.
Бичующій градъ моей дланью подъять,
Я подъ громъ, какъ цѣпомъ, молочу,
Бѣлѣтъ вокругъ зеленѣющій лугъ,
Брызнетъ дождь, — и опять я молчу.

Въ горахъ съ высоты сѣю снѣгъ на хребты,
И гиганскія сосны дрожать;
Всю ночь на снѣгахъ я покоюсь въ мечтахъ,
И съ грозой обнимаюсь, какъ братъ.
На башнѣ моей средь воздушныхъ зыбей
Блещетъ молніи пламенный щитъ,
И скованный громъ ворчитъ предъ дождемъ,
То умолкнетъ, то вновь зарычитъ;
Надъ гладью земной, надъ морской глубиной,
Я плыву въ нѣжномъ пурпурѣ дня.
И молній полетъ все впередъ и впередъ
Увлекаетъ какъ кормчій меня;
Надъ цѣпью холмовъ, надъ семей ручейковъ,
Надъ пространствомъ озеръ и полей,

Мой кормчій спѣшить, и спѣшить, и бѣжить,
Разжигаетъ порывы огней,
Подъ небомъ роднымъ улыбаюсь я съ нимъ
И внимаю потокамъ дождей.

Кровавый восходъ, выростая, плыветъ,
Возродитель земли и воды.
Горитъ его взоръ, какъ ночной метеоръ, —
Гаснетъ свѣтъ предразсвѣтной звѣзды;
На спину ко мнѣ онъ вспрыгнѣтъ весь въ огнѣ,
И расширятся крылья его: —
На камни скалы такъ садятся орлы,
Затаивши въ груди торжество.
А въ часъ какъ закатъ свой багряный нарядъ
Простираетъ надъ сонною мглой,
И въ свѣтлый туманъ разодѣтъ океанъ,
И повсюду любовь и покой,
Я крылья сверну, и какъ голубь усну
Высоко, высоко надъ землей.

Въ вѣнцѣ изъ огня нѣжить дѣва меня,
Что у смертныхъ зовется луной,
Проходитъ она по извивамъ руна,
Что взлелѣяно влагой ночной;
Чуть слышны шаги той незримой ноги,
Только ангеламъ внятны они,
Отъ этихъ шаговъ сквозь раздвинутый кровъ
Многозвѣздные смотрять огни,
Я съ ними горю, и смѣюсь, и смотрю,
Какъ они, точно пчелы, кишатъ,
Вперяю въ нихъ взоръ, раздвигаю шатеръ,
Золотистыя роємъ спѣшатъ,
Озера, моря, ихъ лучами горя,
Какъ обломки лазури лежатъ.

Тронъ солнца свяжу, и огнемъ окружу,
И какъ жемчугъ я выюсь надъ луной;
Вулканы дрожатъ, звѣзды гаснутъ спѣшать,
Увидавши мой стягъ боевой.

Отъ мыса на мысъ, то къ высотамъ, то внизъ,
Надъ пучиной кипучихъ морей,
Какъ мостъ протянусь, и на горы опрусь,
Какъ преграда для жгучихъ лучей.

Сквозь радуги сводъ прохожу я впередъ,
Съ ураганомъ, со снѣгомъ, съ огнемъ.
То арка побѣдъ, что въ измѣнчивый цвѣтъ
Разукрашена пышно кругомъ,
Лучи сплетены, горячи и нѣжны,
И смѣется земля подъ дождемъ.

Изъ водъ на землѣ я рождаюсь во мглѣ,
Я кормилицей небо зову,
Таюсь въ берегахъ и шумящихъ волнахъ,
Измѣняюсь, но вѣчно живу.
И стихнетъ ли громъ, и нигдѣ ни пятномъ
Не запятнанъ небесный шатеръ,
И вѣтры скорѣй, вмѣстѣ съ роемъ лучей
Воздвигаютъ лазурный соборъ, —
Я молча смѣюсь, въ саркофагѣ таюсь,
Поднимаюсь изъ пропасти бурь,
Какъ призракъ ночной, промелькну бѣлизной,
И опять разрушаю лазурь.

Къ жаворонку

1

Пѣнья духъ чудесный,
Ты не птичка, нѣтъ!
Съ высоты небесной,
Гдѣ лазурь и свѣтъ,
Ты пѣсней неземной на землю шлешь привѣтъ!

2

Тучкою огнистой
Къ небесамъ ты льнешь,
И въ лазури чистой
Звукъ за звукомъ льешь,
И съ пѣсней въ высь летишь, и, въ высь летя,
поешь.

3

Въ блескѣ золотистомъ
Гаснущаго дня,
Въ облакѣ лучистомъ,
Въ морѣ изъ огня,
Рѣзвишься ты, какъ духъ, порхая и звеня.

4

Блѣдный вечеръ, тая,
Вкругъ тебя дрожить;

Какъ звѣзда, блистая,
Днемъ свой ликъ таить,
Такъ въ небѣ ты незримъ, но пѣснь твоя звучить.

5

Гимнъ твой серебристый
Какъ звѣзды привѣтъ: —
Блещетъ день лучистый,
Меркнетъ звѣздный свѣтъ;
Съ земли не видно намъ, горить она иль нѣтъ.

6

Небеса съ землею
Звуками полны;
Такъ порой ночью
Вспыхнетъ лучъ луны, —
Вмигъ ласкою ея поля озарены.

7

Кто ты, духъ чудесный?
Кто тебя нѣжнѣй?
Радуги небесной
Красота — блѣднѣй,
Чѣмъ лучезарный дождь мелодіи твоей.

8

Такъ поэтъ, плѣненный
Блескомъ свѣтлыхъ думъ,
Пѣсней отдаленной
Будить чуткій умъ,
И міръ ему дарить рукоплесканій шумъ.

9

Такъ прекрасной дѣвы, —
Точно въ полуснѣ, —
Сладкіе напѣвы
Льются въ тишинѣ;
Въ нихъ — красота любви, въ нихъ свѣтлый
гимнъ веснѣ.

10

Такъ въ лѣсу росистомъ
Въ часъ ночной — свѣтлякъ
Блескомъ золотистымъ
Разсѣкаетъ мракъ,
Невидимый горитъ цвѣтовъ и травъ маякъ.

11

Такъ въ саду, блистая,
Розы въ полдень спятъ;
Вѣтерку внимая,
Дышутъ и дрожатъ;
Роняя лепестки, льютъ нѣжный ароматъ.

12

Солнца отблескъ чудный,
Вешній цвѣтъ вѣтвей,
Дождикъ изумрудный
Съ музыкой своей, —
Блѣднѣетъ въ мірѣ все предъ пѣснею твоей.

13

Музыки небесной
Тайну намъ открой,
Птичка, духъ чудесный,

Я молю съ тоской,
Я не слыхалъ нигдѣ гармоніи такой.

14

Хоры Гименея
Намъ дарятъ привѣтъ;
Предъ тобой блѣднѣя,
Меркнетъ этотъ свѣтъ;
Мы чувствуемъ душой, что въ нихъ чего-то нѣтъ.

15

Гдѣ родникъ кипучій
Пѣсенъ золотыхъ?
Волны или тучи
Нашептали ихъ?
Иль ты сама любовь? Иль чуждъ ты мукъ
земныхъ?

16

Въ переливахъ ясныхъ,
Что звенять вокругъ,
Лишь восторговъ страстныхъ
Слышенъ яркій звукъ,
Любя, не знаешь ты любовныхъ горькихъ мукъ.

17

Тайну смерти мрачной
Вѣрно понялъ ты,
Оттого съ прозрачной
Свѣтлой высоты
Намъ, смертнымъ, шлешь свой гимнъ кристаль-
ной чистоты.

18

Жизнь мы полной чашей
Пьемъ, пока — весна;
Но въ улыбкѣ нашей
Искра слезъ видна,
Тѣ пѣсни любимъ мы, въ которыхъ грусть
слышна.

19

Но когда-бъ печали
Къ намъ толпой не шли, —
Если бъ рай намъ дали,
Пасынкамъ земли, —
Мы въ радости съ тобой сравняться-бъ не могли.

20

Музыки нѣжнѣе,
Льющейся волной, —
Глубже и полнѣе
Мудрости земной, —
Та пѣснь, съ которой ты несешься въ міръ иной.

21

Если бъ пѣсни ясной
Часть я взялъ себѣ,
Лился-бъ гимнъ прекрасный
Людямъ въ ихъ борьбѣ: —
Мнѣ-бъ цѣлый міръ внималъ, какъ внемлю я
тебѣ!

Мимоза

1

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ сребристой росой,
И къ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ Геній Любви, молодая Весна,
Траву и цвѣты пробудила для грезъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скалъ,
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснежникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокоть струны.

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарцисъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ, безконечно любя;

И ландышъ, подобный Наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любитъ весной;
Сквозить изъ листы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепетный свѣтъ.

Опять гіацинтъ возгордился собой,
Здѣсь бѣлый, пурпурный, а тамъ голубой,
Его колокольчики тихо звенять, —
Тѣ звуки нѣжнѣй, чѣмъ его аромать;

И роза какъ нимфа, — возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшитъ,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожитъ;

И лилія свѣтлую чашу взяла,
И вверхъ, какъ Вакханка, ее подняла,
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ, и анютинъ глазокъ,
И съ нимъ туберозы душистый цвѣтокъ,
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной,
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной.

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились;
А водный пѣвучій потокъ трепеталъ,
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дерна, какъ змѣйки легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чащи вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли,
И царскіе кудри роскошно цвѣли;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вяли цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, стряхнувши свой сонъ,
Съ улыбкой глядитъ въ колыбели на мать,
Которой отрадно съ нимъ пѣть и играть, —

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазь.

И льютъ, наклоняясь, они аромать,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души, —

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея, красоты.

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонію звуковъ земныхъ;
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блистають окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листвы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,
Цвѣточный уносятъ съ собой ароматъ,
Какъ свѣтлые ангелы въ небѣ скользятъ;

На смѣну имъ снова встаютъ надъ землею
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечетъ на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ.

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы,
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтранный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на міръ задремавшій легла,
Любовь — въ небесахъ, и покой — на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья неслышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочет уснуть соловей, —
Ночь длится, а пѣсня слышнѣй и слышнѣй,
Какъ будто онъ гимны слагаетъ лунѣ,
И внемлетъ Мимоза ему въ полуснѣ.

Она, какъ ребенокъ, уставъ отъ мечты,
Всѣхъ прежде печально свернула листы;
Въ душѣ ея сонная греза встаетъ,
Себя она ласковой мглѣ предаетъ,
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

2

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотреть на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравниться не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;
А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значить грѣха торжество.
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта,
Она трепетала, любовью согрѣта;

Какъ будто бы ласковый духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.

Она проходила, къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала,
И страсть, и восторгъ за собой оставляла;

Какъ шопоть волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣню волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздамъ;
И въ ихъ лепесткахъ, съ мимолетной красотою,
Прозрачныя капли сверкали росой.

Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,
Ей не были бѣ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣе.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ
Она своей быстрой рукою ловила,
И въ лѣсъ далеко — далеко уносила;

Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзину насыпала, гдѣ ихъ несла,
Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчелъ, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И къ недрѣ душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ, она оставляла,
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной — весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвою золотою, — она умерла!

3

Промчалось три дня, — всѣ цвѣты тосковали
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею — до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье; въ немъ слышались слезы;
За гробомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали вдали.

И съ тихой тоской погребальнаго пѣнья
Сливалось смерти нѣмой дуновенье;

И запахъ холодный, тяжелый, сырой,
Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами,
Алмазными вдругъ заблистали слезами;
А вѣтеръ рыданья вездѣ разносилъ: —
Ихъ вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталь,
И даже — кто слезъ въ своей жизни не зналъ —
И тотъ бы при видѣ его задрожалъ.

Подкралася осень, умчалось лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали;
И мертвенныхъ лилій и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложенъемъ объятъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.

Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные: —
И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
И ужась на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и вдаль полетѣли,
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали, —
Какъ слезы, въ ручей лепестки упали,
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ — аллеи,
И мертвыя свѣсили внизъ эпоеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ, исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Всю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ ротъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка, съ цикutoй пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій —
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разростались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья, — отъ имени ихъ
Бѣжить съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листовянки;
Варостила ихъ плѣсень въ туманные дни,
Какъ вѣстники смерти стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало,
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды,
Въ ручьѣ, будто флѣромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разрослась семья,
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возростали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

Въ часъ полдня растенія искриться стали: —
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ налитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слезы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая угрюмымъ напѣвамъ мятели,
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капалъ къ камнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ бесплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенять кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды и воздухъ она оковала,
Отъ сводовъ полярныхъ, изъ дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ безслѣдный, порою ночной.

Въ извилистыхъ норахъ уснули въ морозы
Кроты подъ корнями умершей Мимозы,
И птицы летѣли на сучья, на пни,
И вдругъ, налету, замерзали они.

Тепломъ потянуло. На вѣткахъ снѣжинки
Растаяли, падая внизъ, какъ слезинки;
И снова замерзли въ холодные дни,
И кружевомъ снѣжнымъ повисли они.

Металася буря, сугробы вздымая,
И волкомъ голоднымъ въ лѣсу завывая,
И сучья ломала въ порывѣ своемъ,
Весь міръ засыпая и снѣгомъ и льдомъ.

И снова весна, и умчались морозы;
Но нѣтъ уже больше стыдливой Мимозы;
Одни мандрагоры, цикуты, волчцы
Возстали, какъ въ склепахъ встають мертвецы.

Знала-ль Мимоза, что скрылась весна,
И что сама измѣнилась она,

Знала-ль, что осень съ зимою пришла,
Трудно сказать, — но она умерла.

Дивная Нимфа, чьимъ царствомъ былъ садъ,
Чьимъ дуновеніемъ былъ аромать,
Вѣрно, грустила, когда не нашла
Формы, гдѣ нѣга стыдливо жила —

Чудная нѣга любви, красоты,
И неземного блаженства мечты.
Но въ этомъ мірѣ суровой борьбы
Горя, обмана, и страха судьбы,

Въ мірѣ, гдѣ мы — только тѣни отъ сна,
Гдѣ намъ познанія власть не дана,
Въ мірѣ, гдѣ все — только лживый туманъ, —
Самая смерть есть миражъ и обманъ.

Вѣченъ таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живить аромать,
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся, — но не они.

Счастье, любовь, красота, — вамъ привѣтъ!
Нѣтъ переменъ вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить.

Озимандія

Я встрѣтилъ путника; онъ шель изъ странъ
далекихъ

И мнѣ сказалъ: Вдали, гдѣ вѣчность сторожить
Пустыни тишину, среди песковъ глубокихъ
Обломокъ статуи распавшейся лежитъ.

Изъ полустертыхъ чертъ сквозить надменный
пламень,

Желанье заставлятъ весь міръ себѣ служить;
Ваятель опытный вложилъ въ бездушный ка-
мень

Тѣ страсти, что могли столѣтья пережить.

И сохранилъ слова обломокъ изваянья: —

«Я — Озимандія, я — мощный царь царей!

«Взгляните на мои великія дѣянья,

«Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ
морей!»

Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье...

Пустыня мертвая... И небеса надъ ней...

Воронъ

Какъ — то въ полночь, въ часъ угрюмый, полный
тягостною думой,
Надъ старинными томами я склонялся въ по-
луснѣ,
Грезамъ страннымъ отдавался, вдругъ неясный
звукъ раздался,
Будто кто-то постучался — постучался въ дверь
ко мнѣ.
«Это вѣрно», прошепталъ я, «гость въ полночной
тишинѣ,
Гость стучится въ дверь ко мнѣ».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени ры-
данья...
И въ каминѣ очертанья тускло тлѣющихъ
углей...
О, какъ жаждалъ я разсвѣта, какъ я тщетно
ждалъ отвѣта
На страданье, безъ привѣта, на вопросъ о ней, о
ней,
О Ленорѣ, что блистала ярче всѣхъ земныхъ
огней,
О свѣтилѣ прежнихъ дней.

И завѣсь пурпурныхъ трепеть издавалъ какъ
будто лепеть,

Трепетъ, лепетъ, наполнявшій темнымъ чув-
ствомъ сердце мнѣ.

Непонятный страхъ смиряя, всталъ я съ мѣста,
повторяя: —

«Это только гость, блуждая, постучался въ
дверь ко мнѣ,

«Поздній гость пріюта просить въ полуночной
тишинѣ —

«Гость стучится въ дверь ко мнѣ».

подавивъ свои сомнѣнья, побѣдивши опасенья,
Я сказалъ: «Не осудите замедленья моего!

«Этой полночью ненастной я вздремнулъ, и
стукъ неясный

«Слишкомъ тихъ былъ, стукъ неясный, — и
не слышалъ я его,

«Я не слышалъ» — тутъ раскрылъ я дверь
жилища моего: —

Тьма, и больше ничего.

Взоръ застылъ, во тьмѣ стѣсненный, и стоялъ
я изумленный,

Снамъ отдавшись, недоступнымъ на землѣ ни для
кого;

Но какъ прежде ночь молчала, тьма душѣ не
отвѣчала,

Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца
моего, —

Это я шепнулъ, и эхо повторило вновь его, —
Эхо, больше ничего.

Вновь я въ комнату вернулся — обернулся —
содрогнулся, —

Стукъ раздался, но слышнѣе, чѣмъ звучалъ онъ
до того.

«Вѣрно, что-нибудь сломилось, что-нибудь
пошевелилось,

«Тамъ за ставнями забилося у окошка моего,
«Это вѣтеръ, усмирю я трепеть сердца моего, —
«Вѣтеръ, больше ничего».

Я толкнулъ окно съ рѣшеткой, — тотчасъ важ-
ною походкой

Изъ-за ставней вышелъ Воронъ, гордый Воронъ
старыхъ дней,

Не склонился онъ учтиво, но, какъ лордъ,
вошелъ спѣсиво,

И, взмахнувъ крыломъ лѣниво, въ пышной
важности своей,

Онъ взлетѣлъ на бюстъ Паллады, что надъ
дверью былъ моей,

Онъ взлетѣлъ — и сѣлъ надъ ней.

Отъ печали я очнулся и невольно усмѣхнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгіе года.

«Твой хохолъ ошипанъ славно и глядишь ты
презабавно»,

Я промолвилъ, «но скажи мнѣ: Въ царствѣ тьмы,
гдѣ ночь всегда,

«Какъ ты звался, гордый Воронъ, тамъ, гдѣ ночь
царить всегда!»

Молвилъ Воронъ: «Никогда».

Птица ясно отвѣчала, и хоть смысла было
мало,

Подивился я всѣмъ сердцемъ на отвѣтъ ея
тогда.

Да и кто не подивится, кто съ такой мечтой
сроднится,
Кто повѣрить согласится, чтобы гдѣ-нибудь
когда —
Сѣлъ надъ дверью — говорящій безъ запинки,
безъ труда —
Воронъ съ кличкой: «Никогда».

И, взирая такъ сурово, лишь одно твердилъ онъ
слово,
Точно всю онъ душу вылилъ въ этомъ словѣ
«Никогда»,
И крылами не взмахнулъ онъ, и перомъ не шевельнулъ онъ,
Я шепнулъ: «Друзья сокрылись вотъ ужъ
многіе года,
«Завтра онъ меня покинетъ, какъ надежды,
навсегда».
Воронъ молвилъ: «Никогда».

Услыхавъ отвѣтъ удачный, вздрогнулъ я въ
тревогѣ мрачной,
«Вѣрно, былъ онъ», я подумалъ, «у того, чья
жизнь — Бѣда,
«У страдальца, чьи мученья возростали, какъ
теченье
«Рѣкъ весной, чье отречение отъ Надежды
навсегда
«Въ пѣснѣ вылилось о счастья, что, погибнувъ
навсегда,
«Вновь не вспыхнетъ никогда.»

Но, отъ скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинулъ противъ Ворона
тогда,

И, склоняся на бархатъ нѣжный, я фантазіи
безбрежной
Отдался душой мятежной: «Это — Воронъ, Во-
ронъ, да.
«Но о чемъ твердить зловѣщій этимъ чернымъ
«Никогда»,
Страшнымъ крикомъ «Никогда».

Я сидѣлъ, догадокъ полный и задумчиво-
безмолвный,
Взоры птицы жгли мнѣ сердце, какъ огнистая
звѣзда,
И съ печалью запоздалой, головой своей усталой,
Я прильнулъ къ подушкѣ алой, и подумалъ я
тогда: —
Я одинъ, на бархатъ алый та, кого любилъ
всегда,
Не прильнетъ ужъ никогда.

Но постой, вокругъ темнѣетъ, и какъ будто кто-
то вѣетъ,
То съ кадилъницей небесной Серафимъ пришелъ
сюда?
Въ мигъ неясный упоенья я вскричалъ: «Прости,
мученье,
«Это Богъ послалъ забвеніе о Ленорѣ навсегда,
«Пей, о, пей скорѣй забвеніе о Ленорѣ навсегда!»
Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И вскричалъ я въ скорби страстной: «Птица ты
иль духъ ужасный,
«Искусителемъ ли посланъ, иль грозой прибитъ
сюда, —

«Ты пророкъ неустрашимый! Въ край печаль-
ный, нелюдимый,
«Въ край, Тоскою одержимый, ты пришелъ ко
мнѣ сюда!
«О, скажи, найду-ль забвенье, я молю, скажи,
когда?»

Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

«Ты пророкъ», вскричалъ я, «вѣщій! Птица ты
иль духъ зловѣщій,
«Этимъ Небомъ, что надъ нами — Богомъ скры-
тымъ навсегда —
«Заклинаю, умоляя, мнѣ сказать, — въ предѣ-
лахъ Рая
«Мнѣ откроется-ль святая, что средь ангеловъ
всегда,
«Та, которую Ленорой въ небесахъ зовутъ
всегда?»

Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И воскликнулъ я, вставая: «Прочь отсюда, птица
злая!
«Ты изъ царства тьмы и бури, — уходи опять
туда,
«Не хочу я лжи позорной, лжи, какъ эти перья,
черной,
«Удались же, духъ упорный! Быть хочу —
одинъ всегда!
«Вынь свой жесткій клювъ изъ сердца моего,
гдѣ скорбь — всегда!»

Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И сидить, сидить зловѣщій, Воронъ черный,
Воронъ вѣщій,

Съ бюста блѣднаго Паллады не умчится никуда,
Онъ глядитъ, уединенный, точно Демонъ полу-
сонный,

Свѣтъ струится, тѣнь ложится, на полу дрожить
всегда,

И душа моя изъ тѣни, что волнуется всегда,
Не возстанетъ — никогда!

2

Слышишь, къ свадьбѣ звонъ святой,
Золотой!

Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣснѣ
молодой!

Сквозь спокойный воздухъ ночи

Словно смотреть чьи-то очи,

И блестять,

Изъ волны пѣвучихъ звуковъ на луну они
глядятъ,

Изъ призывныхъ дивныхъ келій,

Полны сказочныхъ веселій,

Наростая, упадая, брызги свѣтлыя летятъ.

Вновь потухнуть, вновь блестять,

И роняютъ свѣтлый взглядъ

На грядущее, гдѣ дремлетъ безмятежность
нѣжныхъ сновъ,

Возвѣщаемыхъ согласьемъ золотыхъ коло-
коловъ.

3

Слышишь, воющей набать,

Точно стонетъ мѣдный адъ!

Эти звуки, въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ
твердятъ.

Точно молятъ имъ помочь,

Крикъ кидаютъ прямо въ ночь,

Прямо въ уши темной ночи

Каждый звукъ,

То длиннѣе, то короче,

Выкликаетъ свой испугъ, —

И испугъ ихъ такъ великъ,

Такъ безуменъ каждый крикъ,

Что разорванные звоны, неспособные звучать,

Могутъ только биться, виться, и кричать,
кричать, кричать!

Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби обращать!
А межъ тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горить,
То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говорить: —

Я хочу

Вышемчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ — тотчасъ вплоть до
мѣсяца взлечу!

О, набать, набать, набать,
Если бъ ты вернулъ назадъ
Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ
взглядъ,

Этотъ первый взглядъ огня,
О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ,
и звеня!

А теперь намъ нѣтъ спасенья,
Всюду пламя и кипѣнье,
Всюду страхъ и возмущенье!

Твой призывъ,
Дикихъ звуковъ несогласность
Возвѣщаетъ намъ опасность,
То растетъ бѣда глухая, то спадаетъ какъ
приливъ!

Слухъ нашъ чутко ловить волны въ перемѣнѣ
звуковой,

Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій
прибой!

4

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни
конченъ сонъ,
Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
И невольнo мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ.
И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.
Неизмѣнно-монотонный
Этотъ возгласъ отдаленный,
Похоронный тяжкій звонъ,
Точно стонъ,
Скорбный, гнѣвный,
И плачевный,
Выростаетъ въ долгій гулъ,
Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ
сномъ уснулъ.
Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
Онъ для правыхъ и неправыхъ
Грозно вторить обѣ одному: —
Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сом-
кнутся сномъ.
Факель траурный горитъ,
Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко
говорить,
Кто то черный тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гремитъ,
И гудитъ, гудитъ, гудитъ,
Къ колокольнѣ припадаетъ,
Гулкій колоколъ качается,
Гулкій колоколъ рыдаетъ,
Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ,
И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

Фейная страна

Долы дымные — потоки
Тѣневые — и лѣса,
Что глядятъ какъ небеса,
Многооблачно-широки,
Въ нихъ невѣрная краса,
Формы ихъ неразличимы,
Всюду слезы, словно дымы;
Луны таютъ и растутъ —
Шаръ огромный тамъ и тутъ —
Снова луны — снова — снова —
Каждый мигъ поры ночной
Озаряется луной,
Ищутъ мѣста все иного,
Угашаютъ звѣздный свѣтъ,
Въ блѣдныхъ ликахъ жизни нѣтъ.
Чуть на лунномъ циферблатѣ
Знакъ двѣнадцати часовъ, —
Та, въ которой больше сновъ,
Больше дымной благодати,
(Это чара въ той странѣ,
Говорить луна лунѣ),
Сходить ниже, — сходить ниже —
На горѣ на верховой
Ставить шаръ горящій свой —
И повсюду — дальше — ближе —
Въ легкихъ складкахъ блѣдныхъ сновъ
Расширяется покровъ
Надъ деревней, надъ полями,

Надъ чертогами, вездѣ —
Надъ лѣсами и морями,
По землѣ и по водѣ —
И надъ духомъ, что крылами
Въ грезѣ вѣетъ — надо всѣмъ, —
Что дремотствуетъ межъ тѣмъ —
Ихъ заводить совершенно
Въ лабиринтъ своихъ лучей,
Въ тѣхъ извивахъ держать плѣнно,
И глубоко, сокровенно,
О, глубоко, межъ тѣней,
Спитъ луна, и души съ ней.
Утромъ, въ свѣтѣ позолоты,
Встанутъ, скинутъ страсть дремоты,
Мчится лунный ихъ покровъ
Въ небесахъ, межъ облаковъ.
Въ летѣ бурь они носимы,
Колыбелясь между грозъ —
Какъ изъ жерлъ вулкановъ дымы.
Или желтый Альбатросъ.
Для одной и той же цѣли
Та палатка, та луна
Имъ ужъ больше не нужна —
Вмигъ дождями полетѣли
Блески-атомы тѣхъ сновъ,
И, мѣняясь, заблестѣли
На крылахъ у мотыльковъ,
Тѣхъ, что, будучи земными,
Улетаютъ въ небеса,
Ниспускаются цвѣтными,
(Прихоть сна владѣетъ ими!)
Ихъ крылами расписными
Свѣтитъ вышняя краса.

Улялюмъ

Небеса были сѣраго цвѣта,
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы,
За огнемъ отгорѣвшаго лѣта
Ночь пришла, сонъ глухой черноты,
Близъ туманнаго озера Оберъ,
Тамъ, гдѣ сходятся вѣдьмы на пиръ,
Гдѣ лѣсной заколдованный міръ,
Возлѣ дымнаго озера Оберъ,
Въ зачарованной области Виръ.

Тамъ однажды, въ аллеѣ Титановъ,
Я съ моею Душою блуждалъ,
Я съ Психеей, съ Душою блуждалъ.
Въ эти дни трепетанья вулкановъ
Я сердечнымъ огнемъ побѣждалъ,
Я спѣшилъ, я горѣлъ, я блисталъ, —
Точно сѣрные токи на Яникъ,
Бороздящіе горный оплотъ,
Возлѣ полюса, токи, что Яникъ
Покидаютъ, струясь отъ высотъ.

Мы мѣнялися лаской привѣта,
Но въ глазахъ затаилася мгла,
Наша память невѣрной была,
Мы забыли, что умерло лѣто,

Что октябрьская полночь пришла,
Мы забыли, что осень пришла,
И не вспомнили озеро Оберъ,
Гдѣ открылся намъ нѣкогда міръ,
Это дымное озеро Оберъ,
И излюбленный вѣдьмами Виръ.

Но когда уже ночь постарѣла,
И на звѣздныхъ небесныхъ часахъ
Быль намекъ на разсвѣтъ въ небесахъ, —
Что-то облачнымъ сномъ заблѣло
Передъ нами, въ неясныхъ лучахъ,
И внезапно предсталъ серебристый
Полумѣсяцъ, двурогой чертой,
Полумѣсяцъ Астарты лучистый,
Очевидный двойной красотой.

Я промолвилъ: — «Астарта нѣжиѣ
«И теплѣй, чѣмъ Діана, она —
«Въ царствѣ вздоховъ, и вздоховъ полна: —
«Увидавъ, что, въ тоскѣ не слабѣя,
«Здѣсь душа затомилась одна, —
«Черезъ созвѣздіе Льва проникая,
«Показала она въ облакахъ
«Путь къ забвенной тиши въ небесахъ,
«И чело передъ Львомъ не склоняя,
«Съ нѣжной лаской въ горящихъ глазахъ,
«Надъ берлогою Льва возникая,
Засвѣтилась для насъ въ небесахъ.»

Но Психея, свой перстъ поднимая,
«Я не вѣрю», промолвила, «въ сны
«Этой блѣдной богини Весны.
«О, не медли, — въ ней блѣдность больная!

«О, бѣжимъ! Поспѣшимъ! Мы должны!»
И въ испугѣ, въ истомѣ безсилья,
Не хотѣла, чтобъ дальше мы шли,
И ея ослабѣвшія крылья
Опускались до самой земли —
И влачили, влачили въ пыли.

Я отвѣтилъ: — «То страхъ лишь напрасный,
«Устремимся на трепетный свѣтъ,
«Въ немъ кристальность, обмана въ немъ
нѣтъ,

«Сибиллически-ярко-прекрасный,
«Въ немъ Надежды манящій привѣтъ,
«Онъ сквозь ночь намъ роняетъ свой
слѣдъ,

«О, увѣруемъ въ это сіянье,
«Такъ зоветъ оно вкрадчиво къ снамъ,
«Такъ правдивы его обѣщанья
«Быть звѣздой путеводною намъ,
«Быть призывомъ, сквозь ночь къ Небе-
самъ!»

Такъ ласкалъ, утѣшалъ я Психею
Толкованіемъ звѣздныхъ судебъ,
Зоркій страхъ въ ней утихъ и ослѣпъ.

И прошли до конца мы аллею,
И внезапно увидѣли склепъ,
Съ круговымъ начертаніемъ склепъ.

«Что гласить эта надпись?» — сказалъ я,
И какъ вѣтра осенняго шумъ,

Этотъ вздохъ, этотъ стонъ услыхалъ я: —
«Ты не зналъ? Улялюмъ — Улялюмъ —
«Здѣсь могила твоей Улялюмъ».

И сраженный словами отвѣта,
 Задрожавъ, какъ на вѣткѣхъ листы,
 Какъ сухіе подъ вѣтромъ листы,
Я вскричалъ: — «Значить, умерло лѣто,
 «Это осень, и сонъ черноты,
«Небеса потемнѣвшаго цвѣта.
«Ровно — годъ, какъ на кладбищѣхъ лѣта
 «Я здѣсь ночью октябрьской блуждалъ,
 «Я здѣсь съ ношею мертвой блуждалъ,
«Эта ночь была ночь безъ просвѣта,
 «Самый годъ въ эту ночь умиралъ, —
 «Что за демонъ сюда насъ зазвалъ?
«О, я знаю теперь, это — Оберъ,
 «О, я знаю теперь, это — Виръ,
«Это — дымное озеро Оберъ,
 «И излюбленный вѣдьмами Виръ.»

Аннабель-Ли

Это было давно, это было давно,
Въ королевствѣ приморской земли: —
Тамъ жила и цвѣла та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель-Ли,
Я любилъ былъ любимъ, мы любили вдвоемъ,
Только этимъ мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба дѣтьми
Въ королевствѣ приморской земли,
Но любили мы больше, чѣмъ любить въ любви, —
Я и нѣжная Аннабель-Ли,
И, взирая на насъ, серафимы небесъ
Той любви намъ простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
Въ королевствѣ приморской земли, —
Съ неба вѣтеръ повѣялъ холодный изъ тучъ,
Онъ повѣялъ на Аннабель-Ли;
И родные толпой многознатной сошлись,
И ее отъ меня унесли,
Чтобъ навѣки ее положить въ саркофагъ,
Въ королевствѣ приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы въ раю не могли, —

Оттого и случилось, (какъ вѣдомо всѣмъ
Въ королевствѣ приморской земли), —
Вѣтеръ ночью повѣялъ холодный изъ тучъ
И убилъ мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнѣй и полнѣй
Тѣхъ, что старости бремя несли, —
Тѣхъ, что мудростью насъ превзошли, —
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу съ душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда лучъ луны навѣваетъ мнѣ сны
О плѣнительной Аннабель-Ли;

И зажжется ль звѣзда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;

И въ мерцаньи ночей я все съ ней, я все съ ней,
Съ незабвенной — съ невѣстой — съ любовью
моей —

Рядомъ съ ней распростерть я вдали,
Въ саркофагѣ приморской земли.

«При паденьи листовъ...»

Знаешь ли ты при паденьи листовъ,
Эту томительность долгой печали?
Скорби сплетаются давно ужь сплетали,
Сердцу могильный покровъ,
Спать утѣшенія словъ
При паденьи осеннихъ листовъ.

Стынутъ главнѣйшія мысли напрасно,
Стынутъ главнѣйшія мысли ума,
Осень, и падаютъ листья, ненастно, —
Знаешь ты это? Все въ жизни напрасно,
На все налегла полутьма.

Знаешь ли ты ощущение жатвы,
При паденіи долгомъ осеннихъ листовъ?
Ощущенье скользящихъ серповъ?
Ты молчишь, какъ святыня забытая клятвы,
Ты молчишь, какъ скупающій снопъ межъ
сноповъ,
При паденьи осеннихъ листовъ.

Въ садъ міровой

Въ садъ міровой опять восходя,
Мощныя пары, сыновъ, дочерей, предваряя,
какъ въ пѣснѣ вступленіе,
Любовь, жизнь ихъ тѣль, значеніе и бытіе, —
Послѣ дремоты воскреснувъ,
Ибо, въ возвратѣ своемъ, могучіе циклы опять
меня возродили, —
Полный любовности, зрѣлый, весь прекрасный,
самъ для себя весь удивительный,
Съ членами сильными, и съ дрожащимъ огнемъ,
что въ нихъ играетъ всегда по причи-
намъ чудеснѣйшимъ,
Существова, я все еще пристальный взоръ
устремляю, и я проницаю,
Настоящимъ довольный, говольный прошед-
шимъ,
Рядомъ со мной, или сзади меня, слѣдуетъ Ева,
Или предо мной, и я за нею иду, тотъ же самый.

Одинъ часъ безумья и радости

Одинъ часъ безумья и радости! О, изступленный!
не умѣрай меня!

(Что это такъ освобождаетъ меня въ этихъ
буряхъ?)

Что означаютъ вскрики мои среди молній и
бѣшеныхъ вѣтровъ?)

О, испить мистическихъ бредовъ глубже, чѣмъ
кто бы то ни было!

О, дикія и нѣжныя боли! (я ихъ вамъ завѣщаю,
дѣти мои,

Я ихъ вамъ возвѣщаю, не безъ причины, о,
женихъ и невѣста!)

О, отдаться тебѣ, кто бъ ты ни былъ, и взять
тебя мнѣ отдающуюся вопреки всему
міру!

Возвратиться въ Рай! О, стыдливая, женствен-
ная!

Привлечь тебя близко къ себѣ, и впервые при-
жать къ тебѣ губы мужчины, который
рѣшителенъ.

О, смущеніе, трижды завязанный узелъ, глубокій
и темный прудъ, весь свободный и
свѣтомъ залитый.

О, умчаться туда, гдѣ наконецъ достаточно
мѣста, достаточно воздуха!

Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣпей и услов-
ностей, я отъ моихъ, и ты отъ твоихъ!

Найти неожиданно лучшее, что есть въ природѣ
и имъ наслаждаться небрежно!

Почувствовать ротъ свой свободнымъ, который
былъ замкнуть!

Почувствовать ясно, что нынче, или когда бы то
ни было я доволенъ собой, я доволенъ!

О, что-то, чего я не зналъ! что-то во снѣ закол-
дованномъ,

Ускользнуть совершенно отъ всякихъ зацѣпокъ
чужихъ, отъ якорей, трюмовъ!

Вольно нестись! Вольно любить! Броситься
прямо въ опасность безъ удержу!

Гибель дразнить, звать ее — ну-ка, поди сюда!
Восходить, взлетать къ небесамъ любви, мнѣ
назначенной!

Подниматься туда своей опьяненной душой!

Потеряться, разъ это нужно!

Напитать весь остатокъ жизни часомъ, часомъ
однимъ полноты и свободы!

Однимъ короткимъ часомъ безумья и радости!

Я васъ слышалъ, торжественно-
нѣжныя трубы органа

Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы
органа, когда въ воскресенье послѣднее
утромъ я шелъ мимо церкви,

Осенніе вѣтры, когда я гулялъ въ сумерки въ
чащѣ лѣсной, я слышалъ протяжные
скорбные ваши вздохи между вершинъ.

Я слышалъ чудеснаго тенора, итальянскаго
тенора въ оперѣ, я слышалъ сопрано
въ квартетѣ.

Сердце любви моей! Также тебя я слышалъ,
какъ черезъ руку тихонько шептала ты,
сквозь одну изъ кистей, охватившихъ
меня вкругъ моей головы,

Слышалъ біеніе крови твоей, межъ тѣмъ какъ
подъ ухомъ моимъ этой прошлой ночью
колокольчиковъ маленькихъ звонъ, не
смолкая, звенѣлъ.

МЫ ДВОЕ, КАКЪ ДОЛГО МЫ БЫЛИ
ОБМАНУТЫ

Мы двое, какъ долго мы были обмануты, да,
одурачены,
Теперь, претворенные, мы ускользаемъ быстро,
какъ ускользаетъ природа,
Мы — Природа, мы долго были въ отсутствіи,
но теперь возвращаемся,
Мы становимся теперь растеньями, стволами,
листвою, корнями корою,
Мы въ почвѣ лежимъ, какъ въ постели, мы
скалы,
Мы дубы, мы растемъ въ расщелинахъ, другъ
возлѣ друга,
Мы пасемся, мы двое средь дикихъ стадъ, какъ
любой — непосредственны,
Мы двѣ рыбы, плывущія въ морѣ вмѣстѣ,
Мы цвѣты рожкового дерева, мы роняемъ нашъ
ароматъ надъ тропинками утромъ и
вечеромъ,
Мы также грубая грязь — безстыдство звѣрей,
растений, камней,
Мы два хищные ястреба, мы паримъ высоко,
не смотримъ внизъ,
Мы два лучезарныя солнца, это мы, что такъ въ
равновѣсьи качаемся,

Сферическіе и звѣздные, это мы, мы какъ двѣ
 кометы,
Четвероногіе, въ чашѣ лѣсной мы бродимъ съ
 своими клыками, настигаемъ добычу
 прыжкомъ,
Мы два облака утра и вечера, плывущія тамъ
 высоко,
Мы два смѣшавшіяся моря, мы двѣ изъ веселыхъ
 тѣхъ волнъ, что одна забѣжитъ на
 другую, и обѣ другъ друга омочать,
Мы то же, что атмосфера, прозрачные, воспри-
 нимающіе, проницаемые, непроницаемые.
Мы снѣгъ, дождь, холодецъ и мракъ, мы каждый
 созданье, вліяніе этого шара,
Мы кружились, кружились, пока не вернулись
 опять домой, мы двое;
Мы все опорожнили, сдѣлали все недѣйстви-
 тельнымъ, кромѣ свободы, и нашей
 собственной радости.

Ласка орловъ

Идя вдоль рѣки по дорогѣ (это утромъ мой
отдыхъ, прогулка),
Я въ воздухѣ, тамъ ближе къ небу, заглушенный
услышалъ звукъ;
Внезапная ласка орловъ, любовная схватка въ
пространствѣ,
Сплетеніе вмѣстѣ высоко, сомкнутые сжатые
когти,
Вращеніе, бѣшенство, ярость живого вверху
колеса,
Четыре могучихъ крыла, два клюва, сцѣпленіе
массы,
Верченье, круженъе комка, разрывы его и
увертки,
Прямое паденіе внизъ, покуда, застывъ надъ
рѣкою,
Два вмѣстѣ не стали одно, въ блаженномъ мгновѣнн
и затишья,
Вотъ, въ воздухѣ медлятъ они въ недвижномъ
еще равновѣсьи,
Разлука, и втянуты когти, и вотъ они, медленно,
снова
На крѣпкихъ и вѣрныхъ крылахъ, вкось, въ
разномъ отдѣльномъ полетѣ,
Летятъ, онъ своею дорогой, своею дорогой она.

Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго

Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго, нѣжно
дошла до меня капля одна,
шепчетъ, Тебя я люблю, чуть время
пройдетъ и умру я,

Долгій путь я прошла, чтобы только взглянуть
на тебя, къ тебѣ прикоснуться,

Ибо я не могла умереть — на тебя не взглянувши
хоть разъ,

Я боялась, что я иначе, быть можетъ, тебя поте-
рю.

Вотъ мы встрѣтились, мы увидались теперь, мы
не погибли,

Съ миромъ вернись въ океанъ, любовь моя,
Я тоже вѣдь часть въ океанѣ этомъ, любовь моя,
не такъ уже мы раздѣльны,

Погляди на округлость великую, на слитность
всего, о, какъ совершенно!

Но что до меня, до тебя, неудержное море
должно разлучать насъ,

На часъ по различнымъ путямъ унося насъ,
но не можетъ оно унести насъ врозь
навсегда;

Будь терпѣлива — немножко — ты знаешь, я
воздухъ привѣтствую, говорю съ оке-
аномъ и сушей,

Каждый день на закатѣ солнца во имя твое,
Любовь моя.

Какъ Адамъ раннимъ утромъ

Какъ Адамъ раннимъ утромъ,
Выхожу изъ ночной я бесѣдки, освѣженный
сномъ, .

Глядите, какъ я прохожу, услышите мой голосъ,
приблизьтесь.

Прикоснитесь ко мнѣ, прикоснитесь ладонью
руки

До тѣла, пока прохожу я,
Не бойтесь, не страшно
Тѣло мое.

Тоть, кого я люблю днемъ и ночью
Тоть, кого я люблю днемъ и ночью, мнѣ снилось,
сказали мнѣ, умеръ,
И мнѣ снилось, пошелъ я туда, гдѣ они схоро-
нили того, кто мнѣ дорогъ,
Но въ томъ мѣстѣ онъ не былъ,
И мнѣ снилось, что я проходилъ и искалъ
между мѣстъ погребальныхъ,
Чтобъ найти его,
И увидѣлъ, что каждое мѣсто —
Погребальное было,
Дома, что исполнены жизни, исполнены были
и смерти,
(Воть и этотъ теперь),
Улицы, и корабли, и мѣста развлеченья,
Чикаго, Бостонъ, Маннагатта, Филадельфія,
были полны мертвецами, не только
живыми,
Мертвецовъ было больше повсюду, о, больше
гораздо;
И то, что мнѣ снилось, хочу говорить я отнынѣ
всѣмъ людямъ и всѣмъ поколѣньямъ,
И связанъ отнынѣ я съ тѣмъ, что мнѣ снилось,
И нынѣ я знать не хочу всѣхъ мѣстъ погребаль-
ныхъ;
И хочу я безъ нихъ обходиться,

И, еслибъ въ честь мертвыхъ поставленъ былъ
 памятникъ гдѣ бы то ни было,
Хоть тамъ, гдѣ я ѣмъ и гдѣ сплю — я былъ бы
 доволенъ,
И если тѣло того, кто мнѣ дорогъ, иль соб-
 ственный трупъ мой,
Въ прахъ, образомъ должнымъ, сведется, и
 прахомъ низвергнется въ море,
Я буду доволенъ,
Или, если вѣтрамъ его бросать,
Я буду доволенъ.

Спящіе

Я блуждаю всю ночь въ сновидѣннѣи,
Я шагаю легко, я шагаю безшумно и быстро,
останавливаюсь,
Наклоняюсь съ глазами раскрытыми надъ гла-
зами закрытыми спящихъ,
Я блуждаю, смущаюсь, теряюсь, себя забываю,
не согласуюсь, противорѣчу,
Медлю, гляжу, наклоняюсь, на мѣстѣ стою.

Какъ торжественно, тихо лежать они,
Какъ дышутъ спокойно они, дѣти въ своихъ
колыбеляхъ.

Несчастныя вижу черты людей пресыщенныхъ,
облики бѣлые труповъ, багровыя лица
пьяницъ, болѣзненно сѣрыя лица тѣхъ,
что сами ласкаютъ себя,
Тѣла на поляхъ сраженья, съ кровью глу-
бокихъ ранъ, сумасшедшіе въ ком-
натахъ наглухо запертыхъ, дурачки не-
винно-блаженные, новорожденные, эти
изъ вратъ исходящіе, и умирающіе,
эти изъ вратъ исходящіе,
Ночь проникаетъ ихъ, ночь ихъ объемлетъ.

Брачная спитъ чета спокойно въ своей постели,
онъ положилъ ладонь на бедро супруги,
она положила свою ладонь на бедро
супруга,

Сестры нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ своей постели,
Мужчины нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ постеле-
яхъ своихъ,

И спитъ съ ребенкомъ своимъ мать, закутавъ
его.

Слѣпыя крѣпко спятъ, глухіе спятъ и нѣмые,
Спитъ узникъ спокойно въ тюрьмѣ, и спитъ
блудный сынъ,

Убійца, что будетъ повѣшенъ завтра, какъ
спитъ, какъ спитъ онъ?

И тотъ, кто убить, какъ онъ спитъ?

Спитъ женщина, любящая безъ взаимности,

Спитъ мужчина, любящій безъ взаимности,

И спитъ голова того, кто весь день строилъ
планы, и деньги, и деньги сколачивалъ,

И тотъ, кто характеромъ бѣшенъ, и тотъ, кто
предатель, всѣ спятъ.

Я стою въ темнотѣ, опутивши глаза близь
тѣхъ, кто страдаетъ всего и всего без-
покойнѣй,

Я на нѣсколько дюймовъ отъ нихъ рукою своей
провожаю, успокаивая.

Я взоромъ пронзаю тьму, существа иныя явля-
ются,

Земля отъ меня отступаетъ въ ночь,

Я вижу, что это было красиво, и я вижу, что то,
что не земля, красиво.

Я иду отъ постели къ постели, я сплю съ другими
спящими, съ каждымъ рядомъ по очереди.
Мнѣ снятся во снѣ моемъ сны, всѣ сны другихъ
уснувшихъ,

И я становлюсь другими уснувшими, спящими.
Я пласка — играйте вы тамъ! я кружусь все
скорѣй и скорѣе!

Я вѣчно-смѣющійся, — вотъ, новая свѣтитъ луна,
и сумерки,

Я вижу веселыя игры, въ прятки, куда ни
взгляну я, повсюду проворные духи,

Вновь прятки, и прятки опять, глубоко въ
землѣ и въ морѣ,

И тамъ, гдѣ не море, и гдѣ не земля.

Изъ колыбели безконечно баюкающей

Изъ колыбели безконечно баюкающей,

Изъ горла птицы-пересмѣшника, музыкальный
челнокъ,

Изъ полночи Девятаго мѣсяца,

Надъ песками безплодными и полями, что
тамъ вдали, гдѣ ребенокъ, оставивъ
постель свою, блуждалъ одиноко, босой,
съ головой обнаженной,

Внизъ изъ упавшаго свѣтлымъ дождемъ ореола,
Вверхъ изъ мистической этой игры тѣней,
переплетающихся, обнимающихся, какъ
будто бы были онѣ живыя,

Изъ массовыхъ пятенъ терновника и ежевики,

Изъ воспоминаній о птицѣ, которая пѣла мнѣ,

Изъ воспоминаній о тебѣ, грустный братъ,
изъ этихъ прерывистыхъ подъятіи и
паденій, которыя я слышалъ,

Изъ-подъ этой желтой половинной луны, поздно
вставшей и распухшей, какъ будто отъ
слезъ,

Изъ этихъ начальныхъ нотъ любви и томленья
въ туманѣ,

Изъ тысячи отвѣтовъ моего сердца, никогда не
кончающихся,

Изъ мириадъ отсюда возникшихъ словъ,

Изъ слова сильнѣе и сладостнѣй, чѣмъ какое
бъ то ни было,
Изъ словъ такихъ, какъ они возникаютъ теперь
при посѣщеніи вновь этой сцены,
Какъ стая, щебечущая, взлетающая, или кверху
пролетающая,
Проворно сюда устремившись, прежде чѣмъ
всѣ исчезнуть,
Мужъ зрѣлый, но вотъ, въ силу этихъ слезъ,
малый мальчикъ опять,
Бросившись здѣсь на песокъ, лицомъ предъ
волнами,
Я, пѣвецъ страданій и радостей, соединитель
того, что здѣсь, и грядущаго,
Берущій всѣ указанья, чтобы ихъ примѣнить,
но быстро за нихъ убѣгающій,
Воспоминанье пою,
Помѣнокъ бывшихъ дней,
Когда въ воздухѣ былъ ароматъ сирени и росла
травка Пятаго мѣсяца,
Вверху, на этомъ морскомъ берегу, въ терновомъ
кустарникѣ,
Два пернатые гостя изъ Алабамы, два вмѣстѣ,
И гнѣздо ихъ, и четыре свѣтло-зеленыхъ яйца
съ коричневыми крапинками,
И каждый день самецъ тутъ и тамъ пролеталъ
все близко,
И каждый день самка сидѣла въ гнѣздѣ, без-
гласная, съ глазами блестящими,
И каждый день я, любопытный мальчикъ, ни-
когда слишкомъ близко, никогда не
мѣшая имъ,
Осторожно смотря внимательнымъ взглядомъ,
вбирая въ себя, переводя.

Сіяй! сіяй! сіяй!

Низливай теплоту свою, солнце великое!

Пока мы здѣсь грѣмся, мы оба вмѣстѣ.

Оба вмѣстѣ!

Вѣтры вѣютъ на Югъ, вѣтры вѣютъ на Сѣверъ,

День бѣлымъ приходитъ, ночь черной приходитъ,

Дома, на рѣчкахъ, въ горахъ, не дома, съ пѣсней все время, не помня о времени,

Пока мы оба здѣсь вмѣстѣ.

И вдругъ,

Быть можетъ, убита, объ этомъ товарищъ не зналъ,

Въ полдень одинъ, самка больше въ гнѣздѣ не сидѣла,

И послѣ полудня она не вернулась, ни день спустя,

И никогда уже больше не появилась.

Съ той поры все лѣто въ говорѣ моря,

И ночью подъ полною круглой луной въ болѣе тихое время,

Надъ хриплымъ прибоемъ морскимъ,

Или порхая съ куста на кустъ въ терновникѣ днемъ,

Я видѣлъ, я слышалъ, время отъ времени, одного самца осиротѣлаго,

Одинокаго гостя изъ Алабамы.

Вѣй! вѣй! вѣй!

Вѣй вѣтеръ моря, вдоль береговъ Помѣ-
нока!

Я жду и все жду, когда ты привѣшь
мнѣ вѣяньемъ подругу мою.

Да, когда звѣзды блистали,
Всю ночь на зубцѣхъ вѣхи, иззубренной мхами,
Внизу почти среди волнъ съ ихъ захлестыва-
ньемъ,

Сидѣлъ одинокій пѣвецъ, дивно рождая слезы.

Подругу свою онъ звалъ,
Онъ изливалъ значенія, которыя знаю изъ всѣхъ
людей только я.

Да, братъ мой, я знаю,
Другіе того не могли бы, но я сохранилъ твою
каждую ноту,
Ибо не разъ, о, не разъ, смутно скользя къ
этой бухтѣ,
Безмолвный, избѣгая сіяющихъ лунныхъ лучей,
сливаясь съ тѣнями,
Отзывая теперь туманныя формы, отзвуки эти,
звуки и всѣ очертанья различныя въ
ихъ раздѣленьяхъ,
Неутомимо бѣлыя руки въ кипѣнни буруна
кидая,
Я, съ ногами босыми, ребенокъ, съ волосами,
вѣтромъ разметанными,
Долго и долго внималъ.

Баюкай! баюкай! баюкай!
Вплоть за волной другая волна нѣжно
ее баюкаетъ,
И снова другая, опять набѣгаетъ, опять
обнимаетъ, и каждая тѣсно къ
другой.
Но меня любовь моя не баюкаетъ, нѣтъ,
не баюкаетъ.
Низко нависла луна, встала она такъ
поздно,
Медлить луна — отяжелѣла она, любо-
вью навѣрно, любовью.
О, сумасшедшее море толкается въ сушу,
еще,
Съ любовью, съ любовью.
О, ночь! не любовь ли моя, вонъ я
вижу, порхаетъ и вьется въ
кипѣньи буруна?
Что это тамъ за черная малая точка, я
вижу, тамъ въ бѣломъ?

Громко! громко! громко!
Громко тебя я зову, любовь моя.
Звонко и четко я устремляю мой го-
лосъ впередъ надъ волнами,
О, конечно должна ты узнать, кто здѣсь,
кто здѣсь,
Ты должна знать, кто я, любовь моя.
Низко нависла луна!
Что тамъ за смутная точка въ темной
твоей желтизнѣ?
О, это обликъ, обликъ подруги моей!
О, луна не держи ее больше, не отни-
май у меня.

Земля! земля! о, земля!
Куда бы я путь ни направилъ, о, я думаю,
ты мнѣ могла бы отдать
назадъ подругу мою, если бы
только ты захотѣла,
Потому что почти я увѣренъ, что смутно
я вижу ее, куда бъ ни взглянулъ.
О, встающія звѣзды!
Быть можетъ, та, кого мнѣ такъ нужно,
встанетъ однажды, встанетъ съ
одной изъ васъ.

О, горло! Дрожащее горло!
Яснѣ звени черезъ воздухъ!
Землю пронзай и лѣса,
Гдѣ-нибудь слушаетъ, слушаетъ, чтобы
услышать тебя, та, кого мнѣ
такъ нужно.
Выбрасывай пѣсни!
Здѣсь одинокія, пѣсни ночныя!
Пѣсни любви одинокой! пѣніе смерти!
Пѣсни подъ этой замедлившей желтой
ущербной луной!
О, подъ этой луной, гдѣ она наклоняется,
падаетъ въ самое море!
О, безразсудныя пѣсни, звуки отчаянья!
Но тише! тихонько, постой!
Я буду чуть слышно вздыхать,
И ты многшумное хриплое море, по-
медли минутку,
Мнѣ кажется, гдѣ-то я слышалъ, мнѣ
подруга моя отвѣчаетъ,

Такъ слабо, я буду тихонько, я буду
тихонько внимать,
Но не умолкну совѣмъ, а то она сразу
не будетъ знать, куда придти
ко мнѣ.

Сюда, любовь моя!
Здѣсь я! здѣсь!
Этимъ сдержаннымъ звукомъ о себѣ я
тебѣ возвѣщаю.
Этотъ нѣжный призывъ для тебя, для
тебя, любовь моя.
Пусть тебя никуда не заманять,
Вотъ это — свистъ вѣтра, это голосъ не
мой,
Вотъ это — порханье, порханіе пѣны,
Вотъ это — тѣни листвы.

О, тьма! О, напрасно!
О, я истомился въ конецъ и скорблю.
О, смутный кругъ въ небесахъ возлѣ
луны, упاداющій внизъ на море!
О, отраженіе смущенное въ морѣ!
О, горло! О, трепетное сердце!
Я пою бесплодно, бесплодно всю ночь,
О, прошлое! О, счастливая жизни! О
пѣсни восторга!
Въ воздухѣ, въ чащѣ лѣсной, на поляхъ,
Любимый! любимый! любимый! любимый!
любимый!
Но подруги моей больше нѣтъ, больше
нѣтъ со мной.
Мы оба больше не вмѣстѣ.
Арія падаетъ,

Все другое по прежнему длится, звѣзды сіяють,
Вѣтры вздыхаютъ и вѣютъ, непрерывно звучать,
какъ клики и отклики, звуки
птичьяго голоса,

Съ сердитою жалобой гнѣвная старая мать
ворчитъ и все жалуется,

На пескахъ Помѣнока, сѣдая, шуршитъ на
прибрежьи,

Желтый обликъ луны, половинный, — возросшій,
изогнутый, упавая, почти ужъ касается
облика моря,

Мальчикъ, объятый экстазомъ, волны играютъ
ногами босыми его, волосами вѣтры
играють.

Любовь взаперти была въ сердцѣ такъ долго,
теперь наконецъ на свободѣ, безум-
ствуетъ, вырвалась,

Значеніе пѣсни, слухъ, душу, быстро являетъ,
Странныя слезы бѣгутъ по щекамъ,

Бесѣда, втроемъ, каждый рѣчь свою держитъ,
Нижній тонъ, мать древняя, дикая, плачетъ
безостановочно,

Приноровляясь угрюмо къ душѣ этой дѣтской,
въ шипѣньи ему повѣствуя немного
изъ тайнъ потонувшихъ,

Ихъ слушаетъ онъ, начинающій бардъ.

Демонъ иль птица! (сказала душа ребенка),

Вправду ли это къ подругѣ своей ты поешь?
или воистину это ко мнѣ?

Ибо я, что мальчикомъ былъ, съ рѣчью, дремотой
объятою, нынѣ слышалъ тебя,

Въ мигъ единый, теперь я узналъ, что я такое,
я пробудился

И ужь тысячи звонкихъ пѣвцовъ, тысячи пѣсенъ,
громче, звончѣй, чѣмъ твои, и печаль-
нѣе,

Тысячи откликовъ, звонко щебечущихъ, къ жизни
возникли во мнѣ, и вставъ, не умеруть.

О, ты одинокій пѣвецъ, поющій самъ по себѣ,
меня какъ тѣнь означающій,

Одиноко внимающій тебѣ никогда продолжать
я твой голосъ не перестану,

Ужь никогда не ускользну я, и отзвуки, отсвѣты,
Крики любви неутоленной никогда ужь не
будутъ мнѣ чужды,

Никогда ужь меня не оставятъ быть тѣмъ
мирнымъ ребенкомъ, какимъ я былъ
передъ этимъ въ ночи,

У моря подъ желтой изгибной луной,
Вѣстникъ тогда пробудился, огонь, сладостный
адъ внутри,

Потребность невѣдомая, мой удѣлъ.

О, дай мнѣ ключъ! (онъ гдѣ-то таится вотъ
здѣсь въ ночи),

Если столько дано мнѣ, дай мнѣ имѣть и больше.

Такъ слово! ибо я завоюю его!

Слово конечное, высшее слово изъ всѣхъ,

Утонченное, посланное — что это? — вотъ, я
слушаю;

Вы его шепчете, вы все время его шептали,
волны морскія?

Такъ это оно съ вашихъ влажныхъ краевъ и
песковъ омоченныхъ?

На это отвѣтствуя, море,

Безъ промедлений, безъ торопливости,
Мнѣ шепнуло сквозь ночь, и явственно передъ
разсвѣтомъ,
Пролепетало мнѣ тихое слово, плѣнительное-
смерть,
И снова смерть, смерть, смерть, смерть,
Съ мелодическимъ свистомъ, не такъ, какъ
птица, и не такъ, какъ сердце мое,
пробужденное сердце ребенка,
Но, придвигаясь каймой и какъ будто бы именно
мнѣ шелестя у ногъ моихъ,
Вползая оттуда упорно до слуха внимающаго
и мягко меня всего омывая,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.
Чего не забуду я, —
Но вотъ сливаю пѣсню моего смутнаго демона
брата,
Которую мнѣ онъ пропѣлъ въ лунномъ свѣтѣ
на побережьи сѣдомъ Помѣнока,
Съ тысячею пѣсенъ отвѣтныхъ, взятыхъ мной
наудачу,
Собственныхъ пѣсенъ моихъ, пробужденныхъ
отъ этого часа,
И съ ними ключъ, слово изъ волнъ,
Слово нѣжнѣйшей пѣсни и всѣ пѣснопѣнья,
Это плѣнительно-сильное слово, которое, къ
ногамъ моимъ подползая,
(Или какъ нѣкая старая нянька, что колыбель
качаетъ, всю въ свивальникахъ нѣж-
ныхъ, ее къ сторонѣ отклоняя),
Нашептало мнѣ море.

Слезы

Слезы! слезы! слезы!
Въ одиночествѣ, ночью, слезы,
Что, капля за каплей, на берегъ сѣдой, текутъ,
ихъ впиваетъ песокъ,
Слезы, слезы, нѣтъ ни звѣзды, все пустынно
и всюду темно,
Влажные слезы изъ глазъ, на закутанномъ
чьемъ-то лицѣ.
О, кто этотъ призракъ? тотъ духъ, въ темнотѣ
и въ слезахъ?
Какъ обрубокъ безформенный, онъ согнулся,
сидитъ на пескѣ?
И слезы, и вздохи, и муки, онъ задохся отъ
криковъ безумныхъ;
О, буря, она собралась, возросла, и несется, и
мчится по отлогому берегу, вдаль!
О, дикая буря ночная, зловѣщая буря, съ вѣ-
трами — въ ней отчаянье, въ ней
изверженъе!
О, тѣнь, какъ степенна она, какъ пристойна
при свѣтѣ дневномъ, съ спокойнымъ
лицомъ и съ размѣреннымъ шагомъ,
Но прочь уходящая ночью, поспѣшно, не видитъ
никто, —
Тогда разрѣшенъ океанъ
Слезъ! слезъ! слезъ!

Прощай, моя Мечта

Прощай, моя Мечта!
Подруга милая, умершая любовь!
Я ухожу, куда — не знаю.
Не знаю чѣмъ въ пути я встрѣчу,
И встрѣтимся ль когда съ тобою снова,
Итакъ, прощай, моя Мечта!
Теперь въ послѣдній разъ — на мигъ дай
оглянуться;
Слабѣе тиканье часовъ внутри меня,
Слабѣе, тише,
Конецъ, исходъ, и нисхожденье ночи,
И скоро сердце остановится совсѣмъ.
Мы долго жили, радовались вмѣстѣ. —
Плѣнительно! — ласкали мы другъ друга,
Пришелъ разлуки часъ — прощай, моя Мечта!
Но не давай мнѣ слишкомъ быть поспѣшнымъ.
Воистину мы долго жили, спали,
Переливались, и совсѣмъ смѣшались
Въ одно;
Такъ если мы умремъ, умремъ мы вмѣстѣ,
(Да, мы останемся какъ нѣчто, что одно),
Коль мы куда-нибудь пойдѣмъ,
Пойдемъ мы вмѣстѣ, чтобы встрѣтить, что
случится,
Быть можетъ, лучше будемъ мы и веселѣе,
Научимся чему-нибудь,

Быть можсть, это ты теперь меня
Ведешь
(Кто знаетъ?) къ пѣснямъ настоящимъ,
Быть можетъ, это ты теперь
Вращаешь смертный узелъ, разрѣшаешь, —
Итакъ, въ послѣдній разъ,
Прощай же — и привѣтъ тебѣ сердечный,
Моя Мечта!

Слезы

О, слезы, слезы, что въ васъ, я не знаю,
Изъ глубины какой-то высшей боли
Вы къ сердцу подступаете, къ глазамъ,
Глядящимъ на желтѣющія нивы,
На призракъ дней, которыхъ больше нѣтъ.

Вы свѣжи, словно первый лучъ, что глянуль
На корабль, любимыхъ намъ вернувшемъ,
Вы грустны, какъ послѣднй лучъ, вдали,
На корабль, увлекшемъ наше счастье,
Такъ грустны дни, которыхъ больше нѣтъ.

О, странно-грустны, какъ въ разсвѣтѣ лѣтнемъ
Крикъ сонныхъ птицъ, сквозь сонъ поющихъ
пѣсню

Для гаснущаго слуха, въ часъ, когда
Горитъ окно для гаснущаго взора,
Такъ странны дни, которыхъ больше нѣтъ.

Желанные, какъ сладость поцѣлуевъ,
Какъ сладость ласкъ, что мыслимъ мы съ тоскою
На чуждыхъ намъ устахъ, — и какъ любовь,
Какъ первая любовь, безумны, страстны,
Смерть въ жизни, дни, которыхъ больше нѣтъ.

Кракенъ

Внизу, подъ громомъ верхней глубины,
Тамъ, далеко, подъ пропастями моря,
Издrevле, чуждымъ сновъ, безбурнымъ сномъ
Спитъ Кракенъ: Еле зримыя сіянья
Скользятъ вкругъ тѣневыхъ его боковъ;
Надъ нимъ растутъ огромнѣйшія губки
Тысячелѣтней грозной вышины;
И далеко кругомъ, въ мерцаньи тусклomъ,
Изъ гротовъ изумительныхъ, изъ тьмы
Разбросанныхъ повсюду тайныхъ келій
Чудовища-полипы, безъ числа,
Гигантскими руками навѣвають
Зеленый цвѣтъ дремотствующихъ водъ.
Тамъ онъ вѣка покоился, и будетъ
Онъ тамъ лежать, питаяся во снѣ
Громадными червями океана,
Пока огонь послѣдній бездны моря
Не раскалитъ дыханьемъ, и тогда,
Чтобъ человѣкъ и ангелы однажды
Увидѣли его, онъ съ громкимъ воплемъ
Всплыветъ, и на поверхности умереть.

Странствія Мальдуна

1

Я былъ предводителемъ рода — онъ убилъ моего
отца,
Я созвалъ товарищей вѣрныхъ — и поклялся
мстить до конца,
И каждый царемъ былъ по виду, и былъ благо-
роденъ и смѣлъ,
И древностью рода гордился, и пѣсни геройскія
пѣлъ,
И въ битвѣ безтрепетно бился, на бѣды взирая
свѣтло,
И каждый скорѣе бы умеръ, чѣмъ сдѣлалъ кому-
нибудь зло.
Онъ жилъ на островѣ дальнемъ, и въ морѣ мы
чуяли слѣдъ: —
Убилъ онъ отца моего, передъ тѣмъ какъ
увидѣлъ я свѣтъ.

2

И мы увидали тотъ островъ, и онъ у приборя
стоялъ.
Но съ вихремъ въ безбрежное море насъ валъ
разъяренный умчалъ.

3

Мы приплыли на Островъ Молчанья, гдѣ былъ
берегъ и тихъ, и высокъ,
Гдѣ прибой океана безмолвно упадаль на без-
молвный песокъ,
Гдѣ беззвучно ключи золотились, и съ угрюмыхъ
скалистыхъ громадъ
Какъ застывшій въ порывѣ широкомъ, изли-
вался нѣмой водопадъ.
И, нетронуты бурей, виднѣлись кипарисовъ не-
движныхъ черты,
И сосна отъ скалы устремлялась, уходя за
предѣлъ высоты,
И высоко на небѣ, высоко, позабывши о пѣснѣ
своей,
Замечтавшійся жавронокъ рѣялъ межъ лазур-
ныхъ бездонныхъ зыбей,
И собака не смѣла залаять, и медлительный
быкъ не мычалъ,
И пѣтухъ повторительнымъ крикомъ зарожденье
зари не встрѣчалъ,
И мы все обошли, и ни вздоха отъ земли не
умчалось въ твердь,
И все было, какъ жизнь, лучезарно, и все было
спокойно, какъ смерть.
И мы проклинали Островъ прекрасный, и мы про-
клинали свѣтлую тишь:—
Мы кричали, но намъ показалось — то кричала
летучая мышъ,
Такъ былъ тонокъ нашъ голосъ безсильный,
такъ былъ слабъ нашъ обманчивый зовъ,
И бойцы, что властительнымъ крикомъ подни-
мали дружины бойцовъ,

Заставляя на тысячи копій устремляться, о
смерти забывъ,
И они, и они онѣмѣли, позабыли могучій при-
зывъ,
И, проникшись взаимной враждою, другъ на
друга не смѣли взглянуть.
Мы покинули Островъ Молчанья, и направили
дальше свой путь.

4

Мы приблизились къ Острову Криковъ, мы
вступили на землю, и вмигъ
Человѣческимъ голосомъ птицы надъ утесами
подняли крикъ.
Каждый часъ лишь по разу кричали, и какъ
только раскатъ замолкалъ,
Умирили колосья на нивахъ, какъ подстрѣ-
ленный, быкъ упadalъ,
Бездыханными падали люди, на стадахъ высту-
пала чума,
И въ очагъ опускалася крыша, и въ огнѣ исче-
зали дома.
И въ сердцахъ у бойцовъ эти крики отозвались,
зажглись, какъ огни,
И протяжно они закричали, и пустилися въ
схватку они,
Но я рознялъ бойцовъ ослѣпленныхъ, устре-
млявшихся грудью на грудь,
И мы птицамъ оставили трупы, и направили
дальше свой путь.

5

Мы приплыли на Островъ Цвѣтовъ, ихъ дыха-
ньемъ дышала волна,

амъ всегда благовонное Лѣто, и всегда молодая Весна.
Помонось голубѣль на утесахъ, страстоцвѣтъ
заплетался въ вѣнокъ,
Мириадами вѣнчиковъ нѣжныхъ и мерцаль, и
звѣздился व्यюнокъ.
Вмѣсто снѣга покровы изъ лилій покрывали
покатости горъ,
Вмѣсто глетчеровъ глыбы изъ лилій уходили
въ багряный просторъ,
Между огненныхъ маковъ, тюльпановъ, миллио-
новъ пурпурныхъ цвѣтовъ,
Между терна и розъ, возникавшихъ изъ кустовъ
безъ шиповъ и листовъ.
И уклонъ искрометныхъ утесовъ, какъ потокъ
драгоцѣнныхъ камней, .
Протянувшись отъ моря до неба, весь игралъ
переливомъ огней,
Мы блуждали по мысамъ шафрана, и смотрѣли,
какъ островъ блестить,
Возлежали на лежахъ изъ лилій, и гласили, что
Финнъ побѣдитъ.
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью
цвѣтовъ,
И томились мы жгучею жаждой, и напрасно
искали плодовъ,
Все цвѣты и цвѣты за цвѣтами, все блистають
цвѣты пеленой,
И мы проклинали Островъ цвѣтущій, какъ мы
проклинали островъ нѣмой.
И мы рвали цвѣты, и топтали, и не въ силахъ мы
были вздохнуть,
И оставили голыя скалы, и направили дальше
свой путь.

6

Мы приплыли на Островъ Плодовъ, и плоды золоти-
лись, горя,
Безконечные сочные гроздья отливались огнемъ
янтаря,
Точно солнце, желтѣлася дыня на разсыпчатомъ
красномъ пескѣ,
И съ отлогого берега смоква поднималась,
блестя вдаль,
И гора, какъ престолъ, возносилась, и роняла
оттѣнки въ заливъ,
Отъ мерцанія грушъ золотистыхъ, отъ сверканія
рѣющихъ сливъ,
И лоза вокругъ лозы извивалась, вызрѣвающихъ
ягодъ полна,
Но въ плодахъ ароматныхъ скрывалась ядовитая
радость вина.
И вершина утеса, изъ яблокъ, величайшихъ изъ
всѣхъ на землѣ,
Разросталась безъ листьевъ зеленыхъ, и тонула
въ сверкающей мглѣ,
И краснѣлась нѣжнѣй, чѣмъ здоровье, и румя-
нилась ярче стыда,
И Заря багрянецъ лучезарный не могла пре-
взойти никогда.
Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлы-
нуло сномъ,
И друзья за мечи ухватились, и рубились въ
безумьи слѣпомъ,
Но плоды я вкушалъ осторожно, и, чтобъ разумъ
ослѣпшимъ вернуть,
Я сказалъ имъ о мести забытой, — мы направили
дальше свой путь.

7

Мы приплыли на Островъ Огня, онъ манилъ насъ,
блистая въ водѣ,
Онъ вздымался на цѣлую милю, устремляясь къ
Полярной звѣздѣ.
И едва на ногахъ мы стояли, созерцая огонь
голубой,
Потому что весь островъ качался, какъ объятый
предсмертной борьбой,
И безумны мы были отъ яда золотыхъ ядови-
тыхъ плодовъ,
И, боясь, что мы бросимся въ пламя, натянули
мы сѣть парусовъ,
И уплыли скорѣе подальше, и сокрылась отъ
взоровъ земля,
Мы увидѣли островъ подводный, подъ водою —
свѣтлѣй хрусталя,
И глядѣли мы внизъ, и дивились, что за Рай тамъ
блаженный блисталъ,
Тамъ стояли старинныя башни, тамъ вздымался
безмолвный порталъ
Безмятежныхъ дворцовъ, — какъ видѣнья, какъ
поля невозбраннаго сна.
И для сердца была такъ призывна голубая, какъ
твердь, глубина,
Что изъ лучшихъ воителей трое поспѣшили
скорѣй утонуть, —
Глубь задернулася быстрою зыбью, мы напра-
вили дальше свой путь.

8

Мы прибыли на Островъ Щедротъ, небеса были
низки надъ нимъ,

И съ разсвѣтомъ лучистыя длани облака раз-
двигали, какъ дымъ,
И для каждаго падала пища, чтобъ онъ могъ не
работать весь день,
До того, какъ на Западѣ встанетъ золотая ве-
черняя тѣнь.
Еще не былъ нашъ духъ безпокойный такъ
плѣнительно-ласковъ и тихъ,
И мы пѣли о Финнѣ могучемъ, и о древности
предковъ своихъ.
Мы сидѣли, покаясь и нѣжась, у истока пѣву-
чихъ ключей,
И мы пѣли звучнѣе, чѣмъ барды, о судьбѣ
легендарныхъ царей.
Но потомъ утомились мы нѣгой, и вздыхали, и
стали роптать,
И мы проклиjali Островъ Блаженный, гдѣ могли
безъ помѣхи мечтать,
И мы проклиjali Островъ Зеленый, потому что
онъ нашъ былъ вездѣ,
Потому что врага не могли мы — не могли оты-
скать мы нигдѣ.
И мы въ шутку швыряли каменья, мы какъ-
будто играли въ шары,
Мы играть захотѣли въ сраженье, захотѣли
опасной игры,
Потому что кипучія страсти намъ томили мятеж-
ную грудь,
И, насытившись дикой рѣзней, мы направили
дальше свой путь.

9

Мы приплыли на Островъ Колдуній, и пѣвучій
услышали зовъ —

«О, придите, придите, придите!» прозвучало надъ
зыбью валовъ,
И огнистыя тѣни дрожали, отъ небесъ упадая
къ землѣ,
И нагая, какъ небо, колдунья возставала на
каждой скалѣ,
И толпы ихъ бѣлѣли на взморѣ, словно чайки
надъ пѣной валовъ,
И толпы ихъ рѣзвились, плясали на обломкахъ
погибшихъ судовъ,
И толпы ихъ бросались въ волны освѣжить
бѣлоснѣжную грудь,
Но я зналъ, въ чемъ опасность, и дальше по-
скорѣй мы направили путь.

10

И въ недоброе время достигли мы до Острова
Башенъ Двойныхъ,
Изъ камней полированныхъ башня, и предъ ней
изъ цвѣтовъ вырѣзныхъ,
Возносилися обѣ высоко, но дрожали пещеры
внизу,
Ударялися башни, звенѣли, и гремѣли, какъ
небо въ грозу,
И гудѣли призывнымъ набатомъ, точно яро-
стный возгласъ громовъ,
И раскаты проникли до сердца разгорѣвшихся
гнѣвомъ бойцовъ,
И за башню камней разноцвѣтныхъ, и за башню
цвѣтовъ вырѣзныхъ
Межъ бойцами рѣзня паразилась, — и на
Островѣ Башенъ Двойныхъ
Вплоть до вечера буря Господня лишь смолкала
затѣмъ, чтобъ сверкнуть,

И оставивши много убитыхъ, мы направили
дальше свой путь.

11

Мы приплыли на Островъ Святого, что когда-то
съ Брэнданомъ уплылъ,
Онъ на островѣ жилъ неотлучно, и ужъ старцемъ-
святителемъ былъ.
Еле слышенъ былъ голосъ святого, словно го-
лосъ далекихъ міровъ,
И къ ногамъ борода упала бѣлизною нагор-
ныхъ снѣговъ.
Онъ сказалъ мнѣ: «Ты злое задумалъ. О, Маль-
дунъ, ты живешь какъ во снѣ,
Ты забылъ, что сказалъ намъ Всевышній, —
Онъ сказалъ намъ: «Отмщеніе — Мнѣ».
Умерщвленъ былъ твой прадѣдъ, отмщенъ былъ,
и за кровь пролита была кровь,
И убійство смѣнялось убійствомъ, и убійство
свершалось вновь.
О, доколѣ все это продлится? Нѣтъ конца помы-
шленіямъ злымъ.
Возвращайся же къ острову Финна, пусть Былое
пребудетъ Былымъ».
И края бороды бѣлоснѣжной мы лобзали,
вздохнувъ отъ борьбы,
Мы молились, услыша, какъ старецъ возсылалъ
предъ Всевышнимъ мольбы,
И смирилъ насъ преклонный Святитель, и главу
опустилъ онъ на грудь,
Мы печально корабль снарядили, и направили
дальше свой путь.

12

И мы вновь увидали тотъ Островъ, и убійца на
взморьѣ стоялъ,
Но мы мимо проплыли безмолвно, хотъ на
островъ насъ валъ увлекалъ.
О, усталъ я, усталъ отъ скитаній, отъ волненій,
борьбы, и грѣховъ,
И приблизился къ Острову Финна только съ
горстью угрюмыхъ бойцовъ.

Вкушающіе лотосъ

«Смѣлѣй!» воскликнулъ онъ. «Вонъ тамъ, въ
туманной дали,

«Причалимъ мы къ землѣ». Чуть пѣнилась вода.
И въ сумерки они къ чужой странѣ пристали,
Гдѣ сумеречный часъ какъ будто былъ всегда.
Въ тревожно-чуткихъ снахъ дышала гладь мор-
ская,

Вздымался кругъ луны надъ сумракомъ долинъ.
И точно блѣдный дымъ, потокъ, съ высотъ
сбѣгая,

Какъ-будто замедлялъ свой путь, изнемогая,
И падалъ по скаламъ, и медлилъ межъ тѣснинъ.

О, тихій край ручьевъ! Какъ блѣдный дымъ,
иные

Скользили медленно по зелени луговъ,
Иные падали сквозь тѣни кружевные,
Роняя дремлющій и пѣнистый покровъ.
Огнистая рѣка струила волны въ море
Изъ глубины страны; а между облаковъ,
Три мертвыя горы, въ серебряномъ уборѣ,
Хранили слѣдъ зари, и сосны на просторѣ
Видѣньями росли, среди нѣмыхъ снѣговъ.

На Западѣ Закатъ, навѣкъ завороченный,
Горя, не погасаль; и сквозь провалы горъ

Виднѣлась глубь страны, песками окаймленной,
Лѣса изъ пышныхъ пальмъ сплетались въ узоръ,
Долины и луга, въ сверканьи блѣдной влаги,
Страна, гдѣ перемѣнъ какъ-будто нѣтъ и нѣтъ.
И, блѣднолицыя, какъ тѣни древней саги,
Толпой у корабля сошлись Лотофаги,
Въ ихъ взорахъ трепеталъ вечерній скорбный
свѣтъ.

Душистые плоды волшебнаго растенья
Они давали всѣмъ, какъ призраки глядя,
И каждый, кто вкушалъ, внималъ во мглѣ
забвенья,

Какъ ропотъ волнъ стихалъ, далеко уходя;
Сердца, въ сознаньи всѣхъ, какъ струны тре-
петали,

И, если кто изъ насъ другъ съ другомъ говорилъ,
Невнятные слова для слуха пропадали,
Какъ-будто чуть звеня во мглѣ безбрежной дали,
Какъ-будто приходя изъ сумрака могиль.

И каждый, хоть не спалъ, но былъ въ дремотѣ
странной,

Межъ солнцемъ и луной, на взморьѣ, у зыбей,
И каждый видѣлъ сонъ о Родинѣ туманной,
О дѣтяхъ, о женѣ, любви, — но все скучнѣй
Казался видъ весла, все большей тьмой объята
Казалась пѣна волнъ, вливающаяся свѣтъ,
И вотъ одинъ сказалъ: «Намъ больше нѣтъ
возврата!»

И вдругъ запѣли всѣ: «Скитались мы когда-то.
Нашъ край родной далекъ! Для насъ возврата
нѣтъ!»

1

Есть музыка, чей вздохъ нѣжнѣе упадаетъ,
Чѣмъ лепестки отцвѣтшихъ розъ,
Нѣжнѣе, чѣмъ роса, когда она блистаетъ,
Роняя слезы на утесъ;
Нѣжнѣй, чѣмъ падаетъ на землю свѣтъ зарницы,
Когда за моремъ спитъ гроза,
Нѣжнѣй, чѣмъ падаютъ усталыя рѣсницы
На утомленные глаза;
Есть музыка, чей вздохъ какъ сладкая дремота,
Что сходитъ съ неба въ тихій часъ,
Есть мшистая постель, гдѣ крѣпко спитъ забота
И гдѣ никто не будитъ насъ;
Тамъ дышетъ гладь рѣки въ согрѣтомъ полумракѣ,
Цвѣты баюкаетъ волна,
И съ выступовъ глядя, къ землѣ склонились маки,
Въ объятяхъ нѣжащаго сна.

2

Зачѣмъ душа болить, чужда отдохновенья,
Неразлучимая съ тоской,
Межь тѣмъ какъ для всего нисходитъ мигъ
забвенья,
Всему даруется покой?
Зачѣмъ одни лишь мы въ пучинѣ горя тонемъ,
Одни лишь мы, вѣнецъ всего,
Изъ тьмы идя во тьму, зачѣмъ такъ скорбно
стонемъ,
Въ терзаньи сердца своего?
И вѣчно и всегда трепещутъ наши крылья,
И нѣтъ скитаніямъ конца,
И духъ цѣлебныхъ сновъ не сгонитъ тѣнь
усилья

Съ печально-блѣднаго лица?
И чужды намъ слова чуть слышнаго завѣта: —
«Въ одномъ покоѣ торжество».
Зачѣмъ же только мы томимся безъ привѣта,
Одни лишь мы, вѣнецъ всего?

3

Вонъ тамъ, въ глуши лѣсной, на вѣтку вѣтеръ
дышетъ,
Изъ почки вышелъ нѣжный листъ,
И вѣтеръ, проносясь, едва его колышетъ,
И онъ прозраченъ и душистъ.
Подъ солнцемъ онъ горитъ игрою позолоты,
Росой мерпаетъ подъ луной,
Желтѣетъ, падаетъ, не вѣдая заботы,
И спитъ, объятый тишиной.
Вонъ тамъ, согрѣтъ огнемъ любви, тепла и
свѣта,
Ростетъ медовый сочный плодъ,
Созрѣетъ, и съ концомъ зиждительнаго лѣта
На землю мирно упадетъ.
Всему есть мѣра дней; взлелѣянный весною,
Цвѣтокъ не вѣдаетъ труда,
Онъ вянетъ, онъ цвѣтеть, съ землею своею родною
Не разлучаясь никогда.

4

Враждебенъ небосводъ, холодный, темносиній,
Надъ темносинею волной,
И смерть предѣлъ всего, и мы идемъ пустыней,
Живя тревогою земной.
Что можетъ длиться здѣсь? Едва пройдетъ
мгновенье,

Умолкнуть блѣдныя уста.
 Оставьте насъ однихъ въ тиши отдохновенья,
 Земля для насъ навѣкъ пуста.
 Мы лишены всего. — Намъ ничего не надо.
 Все тонетъ въ сумрачномъ Быломъ.
 Оставьте насъ однихъ. Какая намъ отрада —
 Вести борьбу съ упорнымъ зломъ?
 Что нужды восходить, въ стремленьи безконеч-
 номъ,
 По восходящей въ высь волнѣ?
 Все дышетъ, чтобъ имѣть удѣлъ въ покоѣ
 вѣчномъ,
 Все умираетъ въ тишинѣ.
 Все падаетъ, мелькнувъ, какъ тѣнь мечты без-
 сильной,
 Какъ чуть плеснувшая волна.
 О, дайте намъ покой, хоть черный, хоть могиль-
 ный,
 О, дайте смерти или сна.

5

Глаза полузакрывъ, какъ сладко слушать шо-
 потъ
 Едва звенящаго ручья,
 И въ вѣчномъ полуснѣ внимать невнятный ро-
 потъ
 Изжитой сказки бытія.
 И грезить, и дремать, и грезить въ нѣгѣ сонной,
 Какъ тотъ янтарный мягкій свѣтъ,
 Что медлитъ въ высотѣ надъ миррой благовонной
 Какъ-будто много-много лѣтъ.
 Отдавшись ласковой и сладостной печали,
 Вкушая Лотось день за днемъ,

Слѣдить, какъ ластится волна въ лазурной дали,
Курчавясь пѣной и огнемъ.
И видѣть въ памяти утраченныя лица,
Какъ сонъ, какъ образъ неживой,
Навѣкъ поблекшія, какъ стертая гробница,
Полузаросшая травой.

6

Намъ память дорога о нашей брачной жизни,
О нѣжной ласкѣ нашихъ женъ;
Но все мѣняется, и нашъ очагъ въ отчизнѣ
Холоднымъ прахомъ занесенъ.
Тамъ есть наслѣдники; и наши взоры странны;
Мы потревожили бы всѣхъ,
Какъ привидѣнія, мы не были бъ желанны
Среди пировъ, гдѣ дышетъ смѣхъ.
Быть можетъ, мы едва живемъ въ мечтѣ народа,
И вся Троянская война,
Всѣ громкія дѣла теперь лишь гимнь рапсода,
Временъ ушедшихъ старина.
Тамъ смута, можетъ быть; но, если безразсудно
Забылъ народъ завѣтъ вѣковъ,
Пусть будетъ то, что есть: Умилостивить трудно
Всегда взыскательныхъ боговъ.
Другая смута есть, что хуже смерти черной, —
Тоска предъ новою борьбой;
До старости сѣдой — борьбу и трудъ упорный
Вездѣ встрѣчать передъ собой, —
Мученіе для тѣхъ, въ чьихъ помыслахъ туманно,
Кто видѣлъ вѣчную бѣду,
Чей взоръ полуослѣпъ, взирая неустанно
На путеводную звѣзду.

7

Но здѣсь, гдѣ амарантъ и моли пышнымъ цвѣ-
томъ

Вездѣ раскинулись кругомъ,
Гдѣ дышутъ небеса лазурью и привѣтомъ
И вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ,
Гдѣ искристый потокъ напѣвомъ колыбельнымъ
Звенить, съ пурпурныхъ горъ скользя,
Какъ сладко здѣсь вкушать въ покоѣ непре-
дѣльномъ

Восторгъ, что выразить нельзя.
Какъ нѣжны голоса, зовущіе оттуда,
Гдѣ шлетъ скала привѣтъ скалѣ,
Какъ нѣженъ цвѣтъ воды съ окраской изумруда,
Какъ мягко льнетъ акантъ къ землѣ,
Какъ сладко здѣсь дремать, покоясь подъ
сосною,

И видѣть, какъ просторъ морей
Уходитъ безъ конца широкой пеленою,
Играя свѣтомъ янтарей.

8

Здѣсь Лотось чуть дрожитъ при каждомъ пово-
ротѣ,

Здѣсь Лотось блещетъ мжжъ камней,
И вѣтеръ цѣлый день, въ плѣнительной дремотѣ,
Поетъ нѣжнѣй и все нѣжнѣй.

И впадины пещеръ, и сонныя долины
Покрыты пылью золотой.

О, долгоплыли мы, и волны-исполины
Грозили каждый мигъ бѣдой, —
Мы вѣдали труды, опасности, измѣну,
Когда средь стонущихъ громадъ

Чудовища морей выбрасывали пѣну,
Какъ многошумный водопадъ.
Клянемтесь же, друзья, изгнавъ изъ душъ
тревоги,
Пребыть въ прозрачной полумглѣ,
Покоясь на холмахъ, безстрастные, какъ боги,
Безъ темной думы о землѣ.
Тамъ гдѣ-то далеко подъ ними свищутъ стрѣлы,
Предъ ними нектаръ золотой,
Вкругъ нихъ вездѣ горятъ лучистые предѣлы,
И тучки рдѣютъ чередой.
Съ высотъ они глядятъ и видятъ возмущенье,
Толпу въ мучительной борьбѣ,
Пожары городовъ, чуму, землетрясенье,
И руки, сжатые въ мольбѣ.
Но въ пѣснѣ горестной имъ слышенъ строй
напѣва
Иной, что горести лишень,
Какъ сказка, полная рыданія и гнѣва,
Но только сказка, только сонъ.
Людьми воспѣтые, они съ высотъ взирають,
Какъ люди бьются на землѣ,
Какъ жатву скудную съ полей они собирають
И послѣ тонуть въ смертной мглѣ.
Иные, говорятъ, для горечи безсмѣнной
Нисходятъ въ грозный черный адъ,
Иные держать путь въ Элизіумъ блаженный
И тамъ на златоокахъ спать.
О, лучше, лучше спать, чѣмъ плыть во тьмѣ
безбрежной,
И снова плыть для новыхъ бѣлъ.
Покойтесь же, друзья, въ отрадѣ безмятежной,
Предъ нами странствій больше нѣтъ.

Волшебница Шалоть

Часть 1-ая

По обѣ стороны рѣки
Во ржи синѣютъ васильки,
Поля безбрежно-далеки,
Ведутъ въ зубчатый Камелоть.
Мелькаетъ тѣнь и тамъ, и тутъ,
И вдаль прохожіе идутъ,
Глядя, какъ лиліи цвѣтутъ
Вкругъ острова Шалоть.

Осина тонкая дрожить,
И вѣтеръ волны сторожить,
Рѣка отъ острова бѣжитъ,
Идя по склону въ Камелоть.
Четыре сѣрыя стѣны,
И башни, память старины,
Вздываясь, видятъ съ вышины
Волшебницу Шалоть.

Сѣдѣютъ ивы надъ водой,
Проходятъ баржи чередой,
Челнокъ, тропою золотой,
Скользя, промчится въ Камелоть.
Но съ кѣмъ бесѣдуетъ она?
Быть можетъ, грезить у окна?
Быть можетъ, знаетъ вся страна
Волшебницу Шалоть?

Одни жнецы, съ разсвѣтомъ дня,
На полѣ желтомъ ячменя,
Внимають пѣснѣ, что, звеня,
Съ рѣкой уходитъ въ Камелотъ;
И жнецъ усталый, при лунѣ,
Снопъ вздымая къ вышинѣ,
Тихонько шепчетъ, какъ во снѣ: —
«Волшебница Шалотъ!»

Часть 2-ая

Предъ нею ткань горить, сквозя,
Она прядетъ, рукой скользя,
Остановиться ей цельзя,
Чтобъ глянуть внизъ на Камелотъ.
Проклятье ждетъ ее тогда,
Грозитъ безвѣстная бѣда,
И вотъ она прядетъ всегда,
Волшебница Шалотъ.

Лишь видитъ въ зеркало она
Видѣнья міра, тѣни сна,
Всегда живая пелена
Уходитъ быстро въ Камелотъ.
Свѣтло-вспѣннная рѣка,
И темный образъ мужика,
И цвѣтъ мелькнувшаго платка
Проходятъ предъ Шалотъ.

И каждый мигъ живетъ тропа,
Смѣется дѣвушекъ толпа,
И осликъ сельскаго попа
Бредетъ въ зубчатый Камелотъ.

Порой, въ зеркальной глубинѣ,
Проскачетъ рыцарь на конѣ,
Ее не видитъ онъ во снѣ,
Волшебницу Шалоть.

Но все растетъ узоръ нѣмой,
И часто, въ тихій часъ ночной,
За колесницей гробовой
Толпа тянулась въ Камелоть.
Когда же, лунныхъ сновъ полна,
Чета влюбленныхъ шла, нѣжна,
«О, я отъ призраковъ — больна!»
Печалилась Шалоть.

Часть 3-ая

На выстрѣлъ лука, въ сторонѣ,
Зардѣлись латы, какъ въ огнѣ,
Скакалъ въ доспѣхахъ, на конѣ,
Безстрашный рыцарь Ланчелоть.
Служилъ онъ дамѣ-красотѣ,
Чье имя было на щитѣ,
Горѣвшемъ пышно, какъ въ мечтѣ,
Вдали-вблизи Шалоть.

Свободно бились поводъ,
Алмазъ горѣлъ въ нихъ, какъ звѣзда,
Играла звонкая узда,
Пока онъ ѣхалъ въ Камелоть.
Блистая свѣтлая броня,
Могучій рогъ висѣлъ, звеня,
И бился по бокамъ коня,
Вдали-вблизи Шалоть.

Сѣдло въ огняхъ изъ серебра,
Герба лучистая игра,
И шлемъ, и яркій цвѣтъ пера,
Весь блескъ уходитъ въ Камелоть.
Такъ бородастый метеоръ
Во тьмѣ ночей плететь узоръ,
Какъ въ этотъ мигъ сверкалъ просторъ
Предъ стихнувшей Шалстѣ.

Какъ пышенъ былъ потокъ лучей.
Копыта били все звончѣй,
Свѣтились кудри горячѣй,
Пока онъ ѣхалъ въ Камелоть.
Внимала пѣсиѣ гладь рѣки,
Осинъ и блѣдныхъ ивъ листки,
Внимали пѣсиѣ васильки,
Пѣлъ рышарь Ланчелоть.

Забыть станокъ, забыть узоръ,
Въ окно увидѣлъ жадный взоръ
Купавы, шлемъ, коня, просторъ,
Вдали зубчатый Камелоть.
Порвалась ткань съ игрой огня,
Разбилось зеркало, звеня,
«Бѣда! Проклятье ждетъ меня!»
Воскликнула Шалоть.

Часть 4-ая

Блѣднѣли желтые лѣса,
Въ рѣкѣ рыдали голоса,
Закрыла буря небеса,
Летя съ востока въ Камелоть.
Она сошла, какъ въ забытѣи,
И начертала у струи

На свѣтломъ выступѣ ладья: —
Волшебница Шалоть.

Шумя, туманилась волна,
И, какъ провидецъ, въ блескѣ сна,
Взирала пристально она,
Глядя на дальній Камелоть.
И день померкнулъ вдалекѣ,
Она лежала въ челнокѣ,
И волны мчали по рѣкѣ
Волшебницу Шалоть.

Мерцало платьѣ бѣлизной,
Какъ хлопья снѣга подъ луной,
Она плыла во тьмѣ ночной,
И уплывала въ Камелоть.
И пѣсню слышала волна,
И пѣсня та была грустна,
Въ послѣдній пѣла разъ она,
Волшебница Шалоть.

И смолкъ напѣвъ ея скорбей,
И вотъ ужъ кровь остыла въ ней,
И вотъ затмился взоръ очей,
Глядя на сонный Камелоть.
И прежде чѣмъ ладья, свѣтла,
До дома перваго дошла,
Со звукомъ пѣсни умерла
Волшебница Шалоть.

Въ виду альтановъ и садовъ,
И древнихъ башенъ и домовъ,
Она, какъ тѣнь, у береговъ,
Плыла безмолвно въ Камелоть.

И вотъ кругомъ, вблизи, вдали,
Толпами граждане пришли,
И на ладѣ они прочли —
Волшебница Шалотъ.

Въ дворцѣ веселый смѣхъ погасъ,
«О, Господи, помилуй насъ!»
Молились всѣ, грѣха страшась,
И только рыцарь Ланчелотъ,
Подумавъ, молвилъ, не спѣша: —
«Лицомъ какъ ангелъ хороша,
«Да успокоится душа
«Волшебницы Шалотъ!»

Границы человечества

Когда престарѣлый
Святой нашъ Отецъ
Рукою небрежной
Изъ тучи грохочущей
Сѣетъ на землю
Палящія молніи,
Къ послѣдному краю
Одеждъ улетающихъ
Я льну, ихъ лобзаю,
Съ младенческимъ трепетомъ
Въ вѣрной груди.

Ибо съ богами
Не долженъ равняться
Никто изъ людей.
Когда жъ дерзновенный
До неба воспрянетъ,
Головою коснется
Отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
Не найдетъ онъ опоры
Для невѣрной стопы,
И начнетъ колебаться,
И тучи съ вѣтрами
Имъ будутъ играть.

Если жъ стоитъ онъ
Стопою упорной,

Какъ на прочной твердынѣ,
На могучей землѣ,
Въ стремленіи къ небу
Онъ только сравнится
Съ виноградной лозою
Или съ дубомъ нѣмымъ.

Что отличаетъ
Людей отъ боговъ?
Предъ богами проходятъ
Многократныя волны,
Безконечный потокъ: —
Насъ волна поднимаетъ,
Насъ волна поглощаетъ,
И мы тонемъ въ волнѣ.

Узкою цѣпью
Вкругъ нашей жизни
Вьется кольцо.
Поколѣнья приходятъ,
Поколѣнья уходятъ,
Постепенно сплетаясь
Безконечною цѣпью
По кольцу Бытія.

Прометей

Отрывокъ

Закрой, Зевесъ, парами облаковъ
Твое разгнѣванное небо,
И забавляйся, какъ мальчишка,
Сбивающій головки у волццовъ,
Громи дубы и горныя вершины,
Моя земля
Останется за мною,
И хижина, что создалъ я, не ты,
И мой очагъ,
Чей жгучій пламень
Въ тебѣ тревожитъ зависть.

Не знаю я подъ солнцемъ ничего
Ничтожнѣй васъ, боговъ!
Дыханіемъ молитвъ
И данью жертвъ
Свое величіе питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищіе и дѣти
Въ себѣ не тѣшили безсмысленныхъ надеждъ.

Когда я былъ ребенкомъ,
Когда кругомъ не видѣлъ ясно ничего,
Тогда въ безсиліи блуждающіе взоры
Я къ солнцу устремлялъ,

Какъ-будто тамъ вверху
Быль чей-то слухъ, чтобъ внять моимъ мольбамъ,
И чье-то сердце, какъ мое,
Дышало жалостью, тоскуя съ огорченнымъ.

Кто мнѣ помогъ
Въ борьбѣ съ надменностью титановъ?
Кто спасъ меня отъ смерти,
Спасъ отъ рабства?
Не ты-ли все само свершило,
Священнымъ пламенемъ пылающее сердце?
И благодарностью напрасной
Не ты-ли, юное, горѣло
Тому, кто дремлетъ въ небесахъ?

Мнѣ чтить тебя? За что?
Усладилъ-ли ты скорби
Утомленного?
Осушилъ-ли ты слезы
Огорченного?

И развѣ меня
Не создало мужемъ
Всесильное время
И Судьба довременная,
Мои и твои повелители?

Не мнилъ ли ты, что я
Возненавижу жизньъ,
Бѣгу въ пустыни,
Увидя, что не всѣ исполнились надежды,
Не всѣ мечты цвѣтами расцвѣли?

Я здѣсь сижу,
Творю людей,
Подобныхъ мнѣ,
Я здѣсь творю иное поколѣнье,
Что будетъ плакать, и томиться,
И ликовать, и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Какъ я!

* * *

Утромъ, вставъ, я вопрошаю: —
Встрѣчу ль ту, что мнѣ мила?
Грустнымъ вечеромъ вздыхаю: —
И сегодня не пришла.

Ночью долго, истомленный,
Я тоскую и не сплю,
Днемъ влюбленный, полусонный,
Все мечтаю, все люблю.

* * *

Въ волшебнo-свѣтлый мѣсяцъ май
Всѣ почки распускались,
И въ нѣжномъ сердцѣ у меня
Мечты любви рождались.

Въ волшебнo-свѣтлый мѣсяцъ май,
Когда всѣ птицы пѣли,
Я ей сказалъ, что я ее
Люблю на самомъ дѣлѣ.

* * *

Изъ моихъ скорбей великихъ
Пѣсни малыя сотку я,
Вотъ они на звонкихъ крыльяхъ
Въ сердце къ ней летятъ, ликуя.

Полетѣли, прилетѣли,
Возвратились, и скорбятъ,
Были въ сердцѣ, — что тамъ въ сердцѣ,
Разсказать мнѣ не хотятъ.

* * *

Твои бѣлыя лиліи-пальцы
Я хотѣлъ бы опять цѣловать,
И къ груди моей нѣжно прижать ихъ,
И тихонько, беззвучно рыдать.

Твои ясныя глазки-фіалки
Предо мною и ночью и днемъ,
И томлюсь я: Какая загадка
Въ этомъ ласковомъ снѣ голубомъ?

* * *

Когда разлучаются двое,
Жмутъ руки, съ печалью лица,
И плакать они начинаютъ,
Вздыхаютъ они безъ конца.

Не плакали мы, не вздыхали,
Когда разставаться пришлось,
Но послѣ, о, послѣ, какъ много
Узнали мы вздоховъ и слезъ.

* * *

На дальнемъ горизонтѣ,
Какъ дымно-свѣтлый ликъ,
Въ зарѣ вечерней, городъ
Межъ башнями возникъ.

Курчавить вѣтеръ влажный
Сѣдой воды стекло,
Съ размѣрностью печальной,
Впередъ, гребетъ весло.

Еще горитъ мнѣ солнце,
И лучъ послѣдній аль,
То мѣсто отмѣчая,
Гдѣ все я потерялъ.

* * *

Мы всѣ у рыбачьяго дома
Усѣлися шумной толпой.
Къ вечернему ясному небу
Туманъ поднимался морской.

Высокій маякъ засвѣтился,
Должно быть, огни тамъ зажгли.
Какъ призракъ туманный, предъ нами
Корабль показался вдали.

А мы говорили о бурѣ,
О томъ, какъ матросы живутъ,
То въ страхѣ, то съ пѣсней находятъ,
Межъ небомъ и моремъ пріютъ.

Какіе есть люди и нравы,
Какъ міръ безконечно широкъ,
Какъ полны загадокъ волшебныхъ
И Сѣверъ и дальній Востокъ.

У свѣтлаго, звонкаго Ганга
Деревья-гиганты цвѣтутъ,
Прекрасные, кроткіе люди
Предъ лотосомъ гимны поютъ.

Въ Лапландіи грязные люди
На корточкахъ важно сидятъ,

Варять себѣ рыбу, въ лачугахъ,
Варять, и кричать, и визжать.

Но вотъ наступило молчанье,
И каждый невольно вздохнулъ.
И дальній корабль одинокій
Въ туманѣ морскомъ потонулъ.

Король Гаральдъ Прекраснокудрый

Король Гаральдъ Прекраснокудрый
Сидитъ во мглѣ морскихъ глубинъ,
Съ нимъ фея водъ, она прекрасна;
И годъ идетъ за мглою годинъ.

Зафеенъ Никсой, зачарованъ,
Онъ не умретъ и не живетъ;
Ужъ цѣлыхъ двѣсти лѣтъ такъ длится,
То колдовство въ глубинахъ водъ.

Онъ голову склонилъ на лопо
Жены, чей нѣженъ блескъ лица,
Никакъ не можетъ наглядѣться,
Глядитъ на фею безъ конца.

Златыя кудри серебрятся,
И видны кости блѣдныхъ щекъ,
Онъ привидѣнье съ чахлымъ ликомъ,
Завядшій сломанный цвѣтокъ.

Нерѣдко изъ любовной грезы
Онъ вдругъ насильно пробужденъ,
Вѣдь тамъ вверху кипитъ теченье,
Хрустальный замокъ возмущенъ.

Нерѣдко слышитъ онъ — какъ будто
Норманны кличутъ, пѣнь слышна;

Онъ руку весело подыметъ,
Печально падаетъ она.

Нерѣдко даже хоръ матросовъ
Какъ-будто ясно слышитъ онъ,
Король Гаральдъ Прекраснокудрый
Въ геройской пѣснѣ вознесенъ.

Король рыдаетъ, плачетъ, стонетъ,
Всей мощью сердца, сжатой сномъ.
И фея водъ его проворно
Смѣющимся цѣлуетъ ртомъ.

* * *

На перекресткѣ зарываютъ
Самоубійць, — гдѣ крестъ дорогъ.
Цвѣтъ осужденныхъ тамъ восходитъ,
Дрожащій синенькій цвѣтокъ.

На перекресткѣ, тамъ стоялъ я,
Холодный мѣсяцъ чуть блисталъ,
Подъ нимъ, во мракѣ, тихо, тихо,
Цвѣтъ осужденныхъ трепеталъ.

* * *

Смерть это свѣтлая ночь,
Жизнь есть удушливый день.
Смерклось, мнѣ спится, усталъ я,
Ласкова тѣнь.

Вѣтви растутъ надо мной,
Пѣснь соловья въ вышинѣ.
Все про любовь онъ поетъ мнѣ, я слышу,
Даже во снѣ.

* * *

Что хочет слеза одинокая?
Она туманить мнѣ взглядъ.
Осталась изъ стараго времени,
Зоветь въ невозвратность, назадъ.

Сестеръ у ней было блистающихъ
Такъ много, — погасли лучи,
Растаяли съ болью и съ радостью,
Развѣялись въ вѣтрѣ, въ ночи.

Туманомъ и синія звѣздочки
Разрѣшили сіянье свое,
Что нѣжной улыбкой забросили
Боль и радости въ сердце мое.

Да что жъ, и любовь вся растаяла,
Какъ призрачность праздной мечты.
Слеза одинокая, прежняя,
Развѣйся, растай ужъ и ты.

* * *

Звѣзда сорвалась, упадаетъ,
Съ лучистой своей высоты.
Звѣзда любви упадаетъ,
Упала среди темноты.

Цвѣты съ апельсинныхъ деревьевъ
Спадають, измѣнчивый рой.
Приходятъ дразнящіе вѣтры,
И тѣшатся вольной игрой.

Лебедь поетъ надъ волнами,
И плаваетъ взадъ и впередъ,
Поетъ онъ все тише и тише,
И тонетъ въ могильности водъ.

Все тихо, такъ тихо и смутно.
Нѣтъ листьевъ съ цвѣтами, мертво,
Нѣтъ звѣзднаго лика, распался,
Нѣтъ лебедя съ пѣсней его.

* * *

Солнечный закатъ;
Черны облака,
Вѣтры прочь летятъ,
Душно, и тоска.

Молній огневыхъ
Борозды бѣгутъ;
Быстрый образъ ихъ
Озаряетъ прудъ.

Мнится, ты — со мной,
Въ четкости зарницъ,
Волосы — волной,
Взоры — взмахи птицъ.

* * *

На пруду, гдѣ тишь нѣмая,
Медлить мѣсяцъ мглой лучей,
Розы блѣдныя вплетая
Въ зелень стройныхъ камышей.

На холмѣ блуждаютъ лани,
Въ ночь глядятъ ихъ чуткій взглядъ;
Крылья вдругъ всплеснуть въ туманѣ,
Шевельнутся, замолчатъ.

Взоръ склонилъ я, въ немъ страданье,
Всей душевной глубиной —
О тебѣ мое мечтанье,
Какъ молитва въ часъ ночной.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Тамъ, на глухомъ лѣсномъ краю,
Волкъ воетъ; — мать ребенокъ молить,
И въ ночь кричитъ онъ, да позволить
Ему найти бѣду свою.

Бѣду кровавую. Несутся
Мятели, бѣшено свистятъ,
Согрѣться пляскою хотятъ: —
Всѣ вопли, сердце, пусть проснутся.

Твои да встанутъ мертвецы,
Печали темными ордами.
И съ челядью, рожденной льдами,
Да побѣгутъ во всѣ концы.

Къ печали

Въ жизни ты вездѣ со мною,
О, печаль, мечта-бѣда,
Я во мракѣ, я съ звѣздою,
Ты со мной, равно, всегда.

Ты меня уводишь въ горы,
Гдѣ орелъ — сторожевой,
Гдѣ еловые узоры,
Гдѣ гремятъ потоки лѣсной.

Тамъ, что умерло — живое,
Я взрыдаю какъ въ бреду,
И лицо свое ночное
Я на грудь твою кладу.

Тихая достовѣрность

Чу, какъ тихо въ темной рощѣ, ты и я,
Мы одни съ тобой, о, милая моя.

Прозвучалъ вдали, надъ зеленью луговъ,
Колокольный, чуть дрожащій, тихій зовъ.

На цвѣткахъ, что преклонились предъ тобой,
Вѣтерокъ уснулъ, послѣдній вздохъ ночной.

Я скажу тебѣ — вѣдь я одинъ съ тобой —
Всей душой моею я твой, навѣки твой.

Прощальный взглядъ

Словно безбрежнаго счастья море,
Взглядъ твой глубокій и полный участя
Свѣтитъ мнѣ ярко. На трудъ и на горе
Я уѣзжаю. И все мое счастье —
Передъ разлукой, забывши ненастье,
Взоромъ обнять это свѣтлое море.

Балконъ

Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ,
Всѣ мои восторги! весь призывъ мечты!
Ты вспомнишь чары ласкъ и сновъ безбреж-
ныхъ,

Прелесть вечеровъ и кроткой темноты.
Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ.

Вечера при свѣтѣ угля золотого,
Вечеръ на балконѣ, розоватый дымъ.
Нѣжность этой груди! существа родного!
Незабвенность словъ, чей смыслъ неистребимъ,
Въ вечера при свѣтѣ угля золотого.

Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.
Какъ глубоко небо! въ сердцѣ сколько струнъ!
О, царица нѣжныхъ, озаренный свѣтомъ,
Кровь твою вдыхалъ я, весь съ тобой и юнъ.
Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.

Ночь вокругъ сгушалась дымною стѣною,
Я во тьмѣ твои угадывалъ зрачки,
Пилъ твое дыханье, ты владѣла мною,
Ногъ твоихъ касался братскостью руки.
Ночь вокругъ сгушалась дымною стѣною.

Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый,
Прошрое я вижу возлѣ ногъ твоихъ.

Гдѣ жь искать я буду нѣги горделивой,
Какъ не въ этомъ тѣлѣ, въ чарахъ ласкъ твоихъ?
Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый.

Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи,
Суждено-ль имъ встать изъ безднѣ, запретныхъ
намъ,
Какъ восходятъ солнца, скрывшись на ночь въ
струи,
Лицомъ освѣженнымъ вновь свѣтить морямъ?
— Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи!

Красота

Стойна я, смертные, какъ греза изваянья,
И грудь, что каждаго убила въ часъ его,
Поэту знать даетъ любовь и съ ней терзанье,
Безгласно-вѣчное, какъ вѣчно вещество.

Въ лазури я царю какъ сфинксъ непостижимый;
Какъ лебедь блѣдная, какъ снѣгъ я холодна;
Недвижна Красота, черты здѣсь нерушимы;
Не плачу, не смѣюсь, мнѣ смѣна не нужна.

Поэты предъ моимъ побѣдно-гордымъ ликомъ
Всѣ дни свои сожгутъ въ алканіи великомъ,
Духъ изучающій пребудетъ вѣкъ смущень;

Есть у меня для нихъ, послушныхъ, обаянье,
Два чистыхъ зеркала, гдѣ міръ преображень: —
Глаза, мои глаза, бездонное сіянье.

Смерть влюбленныхъ

Постели, нѣжныя отъ ласки аромата,
Какъ жадные гроба, раскроются для насъ,
И странные цвѣты, дышавшіе когда-то
Подъ блескомъ лучшихъ дней, вздохнуть въ
послѣдній разъ.

Остатокъ жизни ихъ, почуявъ смертный часъ,
Два факела зажжетъ, огромныя свѣтила,
Сердца созвучныя, заплакавъ, сблизятъ насъ,
Два братскихъ зеркала, гдѣ прошлое почило.

Въ вечернемъ таинствѣ, воздушно-голубомъ,
Мы обмѣняемся единственнымъ лучомъ,
Прощально-пристальнымъ и долгимъ, какъ ры-
данье.

И Ангелъ, дверь позднѣй полуоткрывъ, придетъ,
И, вѣрный, оживить, и, радостный, зажжетъ
Два тусклыхъ зеркала, два мертвыя сіянья.

Гигантша

Въ оны дни, какъ природа въ капризности думъ,
вдохновенно
Каждый день зачинала чудовищность мощныхъ
породъ,
Полюбилъ бы я жить возлѣ юной гигантши без-
смѣнно,
Какъ у ногъ королевы ласкательно-вкрадчивый
котъ.

Я любилъ бы глядѣть, какъ съ душой ея плоть
расцвѣтаетъ,
И свободно ростеть въ ужасающихъ играхъ ея;
Заглянувъ, угадать, что за мрачное пламя
блистаетъ
Въ этихъ влажныхъ глазахъ, гдѣ, какъ дымка,
встаетъ забытье.

Пробѣгать на досугъ всю пышность ея очертаній,
Проползать по уклону ея исполинскихъ колѣнъ,
А порой въ лѣтній зной, въ часъ, какъ
солнце дурманомъ дыханій

На равнину повергнетъ ее, точно взятую въ
плѣнъ,
Я въ тѣни ея пышныхъ грудей задремалъ бы,
мечтая,
Какъ у склона горы деревушка ютится глухая.

Пропасть

Паскаль носилъ въ душѣ водоворотъ безъ дна.
— Все пропасть алчная: Слова, мечты, желанья.
Мнѣ тайну ужаса открыла тишина,
И холодѣю я отъ чернаго сознанья.

Вверху, внизу, вездѣ, бездонность, глубина,
Пространство страшное съ отравою молчанья.
Во тьмѣ моихъ ночей встаетъ уродство сна
Многообразнаго, — кошмаръ безъ окончанья.

Мнѣ чудится, что ночь — зіяющій провалъ,
И кто въ нее вступилъ, тотъ схваченъ темнотою.
Сквозь каждое окно — бездонность предо мною.

Мой духъ съ восторгомъ бы въ ничтожествѣ
пропалъ,
Чтобъ тьмой безчувствія закрыть свои терзанья.
— А! Никогда не быть внѣ Чиселъ, внѣ Сознанья!

Пѣсенки

1

Она умерла, умерла, она умерла отъ любви.
Съ разсвѣтомъ ее унесли, и за гробомъ немногіе
шли.

Ее схоронили одну, одну, какъ она умерла,
Ее схоронили одну, какъ она передъ смертью
была.

И съ пѣсней вернулись они: «Кому суждено, такъ
умреть».

И пѣли, и пѣли они: «Для каждого есть свой че-
редъ».

«Она умерла, умерла, она умерла отъ любви».
Ее унесли, и опять работать, работать пошли.

2

Море блеститъ за изгородью,
Море блеститъ какъ раковина.
Какъ бы его поймать? — Поймай!
Это веселый, веселый Май.

Нѣжно море за изгородью,
Нѣжно, какъ руки дѣтскія.
Такъ бы его и ласкалъ. — Ласкай!
Это веселый, веселый Май.

3

Прими всю глубь небесъ въ твои глаза съ ихъ
тьмою,
Своимъ молчаніемъ проникни въ тѣнь земли, —
И если жизнь твоя той тѣни не усилить,
Огни далекихъ сферъ въ нихъ зеркало нашли.

Тамъ, изгородь ночей, съ незримыми вѣтвями,
Хранить цвѣты огня, надежду нашихъ дней, —
Печати свѣтлыя грядущихъ нашихъ жизней,
Созвѣздья, зримыя нѣмымъ вѣтвямъ ночей.

Гляди, будь самъ въ себѣ, брось чувства въ
область мысли,
Собою увлекись, будь на землѣ ничей, —
Безъ пониманія, глазами слушай небо,
Твое молчаніе есть музыка ночей.

4

Король покори́лъ королеву
Черными своими кораблями,
И она «прости» сказала гнѣву,
И глядитъ покорными глазами.

5

Первый звонъ колоколовъ: — «Это въ ясляхъ
Царь Небесный!»
Звонъ смѣнился перезвономъ: — «Мой женихъ!
Скорѣй, скорѣй!»
И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ — звонъ про-
тяжный похоронъ.

6

Мои глаза — два черныхъ бриллианта,
Они блестятъ подъ шляпою Рембрандта,
Сюртукъ мой черенъ, черны башмаки,
И токъ волосъ чернѣетъ вдоль щеки.

Зачуявъ злость, надмененъ я, конечно,
Улыбка лжива, взоръ горитъ сердечно.
Себѣ я видѣ преважный сотворю,
Когда съ фальшивымъ братомъ говорю.

Хотѣлъ бы принцемъ быть я doskonaльнымъ,
Людовикомъ тринадцатымъ фатальнымъ,
И кто во мнѣ, чувствительность понявъ,
Найдетъ поэта, очень онъ лукавъ.

Однако, Богъ, какъ риому въ важномъ гимнѣ,
Даль сердце мнѣ — какъ всѣмъ другимъ — увы
мнѣ,

Судьба, въ забавѣ спутавъ смыслъ и счетъ,
Огонь горячій заложила въ ледъ.

Всѣ струны дрогнуть, предо мной сверкая,
Религія моя — душа людская.
Когда пою, въ мой входятъ звонкій пиръ
Кровь, золото, и розы, и Шекспиръ.

7

Полъ солнцемъ ярко-краснымъ,
Въ златистомъ вѣтрѣ вечера,
Пугаяся ночей,
Моя душа дрожащая...

Подъ голубой луной,
Въ златистомъ вѣтрѣ вечера,
Счастливица ночей,
Твоя душа поющая...

Но здѣсь у насъ въ тѣни,
Въ огнѣ моихъ очей,
Пугаясь свѣта дня,
Твоя душа дрожить.

Но здѣсь у насъ въ тѣни,
Въ лучахъ твоихъ очей,
Счастливая отъ дня,
Моя душа поетъ.

8

Ночами лѣта голубыми,
Когда поютъ стрекозы,
На Францію Богъ пролилъ чашу звѣздъ.
До губъ моихъ доносить вѣтеръ
Вкусъ неба лѣтняго — и пью
Пространство, что свѣжо осеребрилось.

Вечерній воздухъ — край холодной чаши.
Полузакрывъ свои глаза,
Пью жаднымъ ртомъ, какъ будто сокъ граната,
Ту свѣжесть звѣздную, что льется отъ небесъ.

И лежа на травѣ,
Еще отъ ласки дня не охладѣвшей,
Съ какой любовью я испилъ бы,
Вотъ въ этотъ вечеръ,
Безмѣрную ту чашу голубую,
Гдѣ бродитъ небосводъ.

Не Вакхъ ли я? Не Панъ ли? Я пьянюсь
Пространствомъ, и горячее дыханье
Я укрошаю свѣжестью ночей.
Раскрыты губы небу, гдѣ трепещутъ
Созвѣздыя — да въ меня стечетъ все небо!
Въ немъ да растаю я!

Пространствомъ опьянившись, небомъ звѣзднымъ,
Гюго и Байронъ, Ламартинъ и Шелли
Ужъ умерли. А все жъ пространство — тамъ,
Течетъ безгранное. Едва имъ опьянился,
И мчитъ меня, и пить хочу, еще!

Садъ Замкнутый

1

Къ грудямъ моимъ руки мои приложивъ,
И отъ игръ и отъ прялокъ усталая,
Руки-подруги, чей бѣлый свѣтъ такъ красивъ, —
Какъ будто я въ водахъ дремлю,
Я сплю,
И зори надъ ними горятъ запоздалыя.
Далеко отъ печальныхъ и тщетныхъ скорбей,
На престолѣ моей красоты свѣтодарственномъ,
Эти хрупкія дремлютъ царицы въ безтрепетной
чарѣ своей,
Снятся рукамъ моимъ о владычествѣ царствен-
номъ.
И одна, въ бѣлокурыхъ моихъ волосахъ,
Закрывъ, какъ когда-то, глаза въ блаженномъ
безсиліи,
Я ребенокъ, что держитъ міры, и въ мірахъ
Я дѣва, что держитъ лиліи.

2

Я играла въ горящемъ снѣгу
Звѣздъ рая,
И, сіяя,
Вся теперъ я ими одѣта,
Въ волосахъ моихъ блѣдныхъ я ихъ берегу,
Что мерцаютъ, и есть они въ этихъ глазахъ,
полныхъ свѣта.

А инья растаяли здѣсь на губахъ,
А инья вотъ здѣсь на груди у меня.
На ладоняхъ инья погасли, на бѣлыхъ рукахъ.
Вся я сію въ лучахъ,
Вся я вкусила огня.

3

Она развязала на поясѣ узелъ, и стала, нагая,
Вся въ трепетѣ, руки свои въ полумгнѣ приходу
его раскрывая.
Касанія рукъ его были — до воздуха, вѣтерковъ,
молчанья, и ночи,
И солнце явилось въ глазахъ у нея, ослѣпило ей
очи.
И его поцѣлуй, дрожащій и дикій, божескимъ
полный сномъ,
Былъ какъ цвѣтокъ, какъ цвѣтокъ раскрытый,
который срываютъ ртомъ.

4

Почему ты приходишь изъ прошлаго, изъ ми-
нувшаго,
Съ мечтами усталыми?
Что мнѣ въ томъ, что ты грезилъ въ тѣхъ «что-то»
уснувшаго,
Когда я еще не была съ губами этими алыми?
Не трогай прахъ мертвыхъ. Дымъ.
Я свѣтла.
Мои юные годы не болѣе тяжки мыслямъ моимъ,
Чѣмъ нѣжная тяжесть моихъ волосъ,
И цвѣты, что любовь въ нихъ вплела,
Въ брызгахъ росъ.

5

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ весна на море,
На равнинахъ моря безплоднаго,
Гдѣ никакой цвѣтокъ не растетъ,
На просторѣ водъ,
И вѣтра свободнаго,
Кромѣ цвѣтовъ свѣтовыхъ,
Въ этихъ дыханьяхъ живыхъ.

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ птица морская,
Что, уставъ отъ усилья,
Прижавши къ себѣ свои крылья,
Льнетъ къ морю, себя отдавая,
Въ перистости нѣжной убранства,
Баюканью водъ,
И море, ее качая,
Колыбелить крылатую въ ритмѣ вѣчномъ волнъ
и пространства.

6

Протяни свои руки въ зыби мои,
Это покровъ мой муаровый,
Это покровъ мой изъ мирры,
Нарда, бензоя;
Все мое тѣло умощено,
Дышетъ оно,
Бедра мои
Поддались благовонной волнѣ.
Что еще изъ одежды осталось мнѣ,
Это волны моихъ распустившихся косъ,
Это волны моихъ золотыхъ волосъ,

Это — солнце, въ которомъ сюда я пришла,
Это — солнце, гдѣ я обнаженной была.

7

Когда ежевики багряныя зрѣли,
Онѣ мои губы поцѣлуйныя пропѣли,
И мои длинныя волосы, теплые, теплые,
Какъ лѣтній дождь.

Когда золотыя лозы созрѣли,
Онѣ полузакрытые глаза мои пропѣли,
Истомные, свѣтящіеся, дымкою сокрытые,
Какъ въ осень небеса.

Во мнѣ всѣ дразненія вкуса, всѣ зыби тумана,
Всѣ разные свѣты. И зыбкая я какъ ліана.
Очертанія грудей у меня,
Какъ у огня
И цвѣтовъ.

8

Когда твои глаза глядятъ въ мои глаза,
Я вся, я вся въ моихъ глазахъ.

Когда твой ротъ размыкаетъ мой ротъ,
Вся любовь моя, вся, есть мой ротъ.

Когда до волосъ ты коснешься моихъ,
Вся жизнь, вся жизнь моя въ нихъ.

Когда ты рукою ласкаешь мнѣ грудь,
Какъ огонь я внезапный вхожу въ мою грудь.

Неужели тобою выбрана я?
Тутъ моя душа, тутъ вся жизнь моя.

Смерть

О, какая рука у ней маленькая, какая бѣлая!
Словно водная расцвѣтность, что склонилась
онѣмѣлая...

Она спитъ, она въ успокоеніи,
Смерть коснулась ея.

Нѣтъ въ ней чувства, она легка въ своемъ
успеніи,
На землѣ она совершила свое.

Можешь взять ее теперь, Господь, она
Счастья прикоснулась гранью сна.

На лицѣ ея луна, луны покровъ,
А въ глазахъ ея дымка облаковъ.

Ея ротъ полуоткрытъ, невозмутимъ,
Какъ у края кубка, который незримъ.

Пряди длинныхъ волосъ ея легли волной,
Какъ колосья, которые легли подъ косой.

Вся она кроткое успокоеніе,
Отъ нея отошли всѣ тревожности прочь.

Безшумно, медленно, безъ потрясенія,
Дверь открывается въ тихую ночь.

Къ самому себѣ

Итакъ, теперь ты навсегда утихнешь,
О, сердце утомленное мое.
Погибъ обманъ послѣдній, крайній, тотъ,
Который я считалъ въ себѣ безсмертнымъ.
Я чувствую, что умерла не только
Надежда на обманы дорогіе,
Погасло ихъ желанье. Успокойся,
Навѣки. Ты довольно трепетало.
Нѣтъ ничего, что бѣ стоило твоихъ
Движеній, и земля не стоитъ вздоховъ.
Тоска и горечь — наша жизнь, не больше;
Міръ — грязь. Теперь притихни и замри.
Въ послѣдній разъ отчайся. Рокъ намъ не далъ
Иного дара, кромѣ умиранья.
Отнынѣ презри самого себя,
Природу, оскорбительную силу,
Которая, скрываясь, заправляетъ
Ущербомъ общимъ, презри безконечность
Тщеты всего.

Къ Солнцу

Стой, Солнце, и услышь, я здѣсь къ тебѣ взываю,
И въ изступленьи радостномъ дерзаю
Вести съ тобою рѣчь.
Горить какъ ты мое воображенье,
И въ жаждѣ свѣтлыхъ встрѣчъ
Къ тебѣ высокое паренье
Къ золотику, впередъ,
Души безтрепетный полетъ.
О, если бъ голосъ мой былъ звукъ могучій,
И превышая грозный громъ,
Великій гулъ будя кругомъ,
Вознесся кверху, выше тучи,
Къ тебѣ, о, Солнце, до твоихъ горниль,
И ходъ твой средь небесъ остановилъ!
О, если бъ пламя, что въ моемъ мышленьи
Всегда горитъ, всѣ чувства вдругъ зажгло,
Къ лучу, который такъ побѣденъ въ рдѣнны,
Вознесся бъ жадный взоръ и просіялъ свѣтло,
Мои глаза въ твой ликъ, что свѣтитъ многозорно,
Горя, смотрѣли-бы упорно,
Не зная, сколько бы мгновений такъ прошло.
Какъ я тебя всегда любилъ, о, солнце въ блескѣ!
Съ какой ревнивою тоской,
Ребенокъ малый и простой,
По небу вышнему, какъ будто въ перелѣскѣ,
Хотѣлъ идти я за тобой,
И на тебя смотрѣлъ, блаженно-изступленный,
И созерцалъ твой свѣтъ душою опьяненной.

Отъ золотыхъ межей, гдѣ царствуетъ Востокъ,
Весь опоясанный богатымъ Океаномъ,
Что спрятали жемчуга, закрывъ ихъ воднымъ
станомъ,

До рубежей иныхъ, что западъ въ тѣнь облекъ,
Пылающихъ одеждъ живое обрамленье
Распростираешь ты, величественный царь,
И міру льешь потоки рдѣнья,
Его живишь теперь, какъ встарь.
Отъ своего чела ты мечешь день блестящій,
Ты радость и душа Міровъ,
Твой дискъ даруетъ свѣтъ и жаръ животворящій,
И торжествующей короною шаровъ
Ты возстаешь, вѣнецъ, въ игрѣ огней горящій,
Спокойно всходишь ты на золотой зенитъ,
На царственный престолъ средь неба голубого,
Ты въ пламенахъ живыхъ, твой ликъ огнемъ
облить,

И вдругъ полетъ задержанъ снова: —
Отсюда пламенный свой бѣгъ
Ты низвергаешь быстрымъ сходомъ,
И волосы твои, въ сверканьи пышныхъ нѣгъ,
Воспламененные раскинулись по водамъ,
Ихъ Море приняло, волна дрожить огнемъ,
И весь твой блескъ сокрылся въ немъ: —
Еще прошедшій день примкнулъ къ безмѣр-
нымъ годамъ.

Столѣтья безъ числа, ты видѣло ихъ всѣ,
Въ бездонной пропасти временъ они забыты,
И сколько пышныхъ царствъ забрезжило въ
краѣ,

И были всѣ они на грани дней изжиты.
Чѣмъ были предъ тобой? Въ тѣни глухихъ
лѣсовъ

Листы срываются на вѣткахъ оголенныхъ,
И пляшутъ по кругамъ, подъ бѣшенствомъ
вѣтровъ,

Среди дыханій разъяренныхъ.
Тебя не тронуть Божій гнѣвъ,
Когда кипѣлъ потопъ вокругъ гибнущей вселен-
ной,

И правосудною рукой былъ брошенъ сѣвъ
Карающей воды, и бури, долго плѣнной,
Вотъ вѣтеръ зарычалъ. Гудя, упалъ окрестъ
Разрывно-хриплый громъ, какъ камни на от-
косѣ,

И сдвинулись, дрожа, съ своихъ давнишнихъ
мѣсть,

Земли алмазныя скрѣпляющія оси.

И горы и пеля — вспѣненный океанъ,

И горы и поля — могила человѣка.

И содрогнулась глубь, недвижная отъ вѣка.

А ты надъ нѣмотой потопшихъ въ безднѣ странъ,—
Надъ бурей тронъ взнесло, какъ повелитель
міра,

Изъ сумраковъ тогда твоя была порфира,

Но ликъ былъ отданъ весь лучамъ,

И высоко взнесся для огненного пира,

Свѣтило мирно ты, горя инымъ мірамъ.

И снова, свѣжія, другія,

Прошли столѣтья предъ тобой,

Какъ волны таяли морскія,

Крутятся по безднѣ голубой.

Толчкомъ взаимнымъ сокрушили

Другъ друга въ бѣшенствѣ зыбей,

Межъ тѣмъ какъ въ неизмѣнной силѣ,

Въ нетлѣнной красотѣ своей,

О, солнце, ты встаешь, свой ликъ всегда вздымая,

А тысяча вѣковъ лежитъ, толпа нѣмая,
 На пепелищѣ дней.
 И вѣчнымъ будешь ты, всегда неугасимымъ?
 Не потускнѣтъ онъ, безмѣрный твой очагъ?
 Ты не затынешься отяжелѣлымъ дымомъ, —
 Стремя безсмертный бѣгъ, неся горючій стягъ?
 Средь гибели временъ, гдѣ все въ забвеньи рав-
 номъ,

Лишь ты останешься вѣкъ самодержавнымъ?
 Нѣтъ, потому что и къ тебѣ
 Издалека, походкой мѣрной,
 Подходить смерть, зовя къ судьбѣ,
 Для всѣхъ, кто въ мѣрѣ, достовѣрной.
 Кто знаетъ, можетъ быть, ты только бѣдный
 лучъ, —

Лишь отраженный дискъ иного Солнца въ мѣрѣ,
 Который былъ другимъ, прекраснѣе и шире,
 Какъ тотъ иной Огонь пылалъ вдвойнѣ могучъ!
 Такъ услаждайся же своею красотою,
 И юностью своей, о, Солнце! Будетъ день,
 То будетъ страшный день, какъ мощною рукою
 Отца высокаго уроненная тѣнь
 Наляжетъ тягостно на шаръ, еще горючій,
 И разорвется онъ, и въ вѣчность соскользнетъ,
 Кусокъ въ моряхъ огня, обломки въ смутѣ
 жгучей,

Закутанный навѣкъ, могильный въ свой чередъ,
 Въ моряхъ стократныхъ бурь, во мракѣ безконеч-
 номъ,

Твой чистый свѣтъ умереть: —
 И ночь всю высь небесъ скуетъ покровомъ
 вѣчнымъ,

И отъ твоихъ огней, пылавшихъ день деньской,
 Ни даже памяти не будетъ никакой!

Къ Ночи

Привѣтъ тебѣ, Ночь покоя,
Ты міръ обняла величаво,
Въ печальномъ тревогу смягчаешь,
Пріятной твоей темнотой.

Ручей вдаль сребрится,
Теперь онъ лепечетъ тихонько,
И между вѣтвями пѣвуче
Неясный шуршитъ вѣтерокъ.

Гора затянулась тѣнями,
Лужайки окутаны въ сумракъ,
И звѣзды прерывистымъ свѣтомъ
Чуть свѣтятъ, заполнивъ просторъ.

Печальнаго ропота полны
Потоки широкаго Моря,
И въ призрачномъ блѣломъ свѣченіи
Огни проскользаютъ волной.

Рѣка въ равномерномъ величьи
Течение окутала въ трауръ,
И въ полѣ цвѣтистыя краски
Смѣшались, смягченныя мглой.

Къ ночлегу овецъ своихъ гонить
Усталый пастухъ торопливо,

И пахарь бодиломъ торопнѣ
Лѣнливо-тяжелыхъ быковъ.

Того, кто окончилъ работу,
Ждетъ съ ужиномъ скромнымъ супруга,
Здоровья, крѣпкія дѣти,
Уютъ предъ живымъ очагомъ.

Въ твоёмъ примиренномъ покоѣ,
О, Ночь, всѣ находятъ свой отдыхъ,
И даже, кто горестный плачетъ,
Глаза осушаешь ты сномъ.

Какая услада молчанья,
Какая пріязнь затемненья!
Какъ тихо въ душѣ отъ сознанья,
Что вотъ она только съ собой!

Угрюмый вѣщательный филинъ
Вдругъ крикнетъ, и хриплый тотъ голосъ,
Дойдя отъ могилы къ могилѣ,
На краткость прерветъ ихъ покой.

Вонъ тамъ, на возвышенной башнѣ,
Чуть теплится, млѣя, лампада,
И черныя шаткія тѣни
Встаютъ, возникаютъ кругомъ.

Но вотъ ужъ съ серебрянымъ дышломъ
Луны возстаетъ колесница,
И свѣтомъ ея безмятежнымъ
Залиты вершины холмовъ.

Съ величьемъ она выплываетъ,
И звѣзды предъ нею блѣднѣютъ,

Лазурь вознесеннаго неба
Наполнена свѣтлымъ лучомъ.

Источникъ скользить безмятежный,
И, въ зеркалѣ ясномъ, качаясь,
Сіянье дрожить отраженьемъ
Среди успокоенныхъ водъ.

Рѣчное чуть зыбится лоно,
Рыбакъ нагибается въ лодкѣ,
И слышится стройная пѣсня,
И чуть ударяетъ весло.

Поетъ соловей для супруги,
Измѣнчиво-разною пѣсней
Ее онъ баюкаетъ нѣжно,
Единственный въ чащѣ лѣсной.

Порою надъ крышею дома,
Надъ крышею дома другого,
Восходятъ колонны изъ дыма,
И прорваны дымы Луной.

Сквозь вѣтви сплетенныя густо,
Лучи пробираются робко,
И листья, ихъ токъ преломляя,
Ихъ дѣлають смутной волной.

И вдругъ вѣтерокъ умиленный
Прошепчетъ, летя надъ цвѣтами
И тотчасъ струей благовонной
Полей преисполненъ просторъ.

Случайное эхо въ ущельяхъ
 Подхватить блуждающій голосъ,
 Немедленно эхо другое
 Торопится съ той же игрой.

Молчанье, покой умягченный
 Сливаются съ звукомъ неяснымъ,
 И образъ темнѣющей Ночи
 Желаненъ вдвойнѣ оттого.

Привѣтъ, о, подруга печальныхъ,
 Тоску огорченного сердца
 Смягчаешь ты нѣжнымъ бальзамомъ,
 И только въ тебѣ есть покой.

Пѣснь Пирата

Десять пушекъ тамъ по борту,
Вѣтеръ бьется за кормою,
Не плыветъ-летитъ стрѣлою
Черезъ море быстрый бригъ.

Тотъ корабликъ, тотъ пиратскій,
Что всему извѣстенъ морю,
Имя-Страшный, и не спорю,
Онъ слыхалъ послѣдній крикъ.

Лунный свѣтъ на морѣ пляшетъ,
Въ парусъ дунувъ, вѣтеръ бьется,
Серсбромъ и синью льется
Глубь морская, долгій гулъ.

Капитанъ пиратъ веселый,
Знаетъ въ Азіи всѣ тропы,
Знаетъ всѣ пути Европы,
Прямикомъ предъ нимъ Стамбуль.

Онъ поетъ, и пѣсня — дѣло.
«Ты плыви, корабль мой, смѣло,
Не робѣй.

Хоть бы всталъ корабль здѣсь вражій,
Хоть бы волны вдругъ, какъ кряжи,
Взвились кверху, или даже
Хоть бы вѣтеръ сталъ хитрѣй,
Сталъ манить уплыть скорѣй,

Судьбы многи,
Но дороги

Не измѣнишь ты своей.

Двадцать схватокъ,

Всѣ съ добычей.

Чѣмъ намъ въ кличѣ

Англичанъ!

Стягъ обрванъ,

Вѣрнымъ ходомъ,

Ста народамъ

Разныхъ странъ.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,

Воля — Богъ мой, вольный я,

Путь мой вѣтеръ переменный,

Море — родина моя.

«Пусть ведутъ цари слѣпые, —

За пригоршню за одну

Праха, — дикую войну.

Волны моря голубыя

Мнѣ даруютъ весь просторъ,

Все, къ чему коснется взоръ.

На волнахъ морского лона

Нѣтъ для смѣлаго-закона,

И никто мнѣ не укоръ.

Чье побережье

Гдѣ-бъ ни было,

Что мнѣ мило,

То мое.

Всякъ узнаетъ,

Сила — право,

Въ этомъ слава,

Мчи ее.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,

Воля — Богъ мой, вольный я,

Путь мой — вѣтеръ переменный,

Море — родина моя.

«Чуть раздастся крикъ: — «Глядите,
Мы подходимъ къ кораблю!» —
Чуетъ онъ, что утоплю,
Тотчасъ въ немъ не мало прыти,
И на всѣхъ онъ парусахъ
Путь мѣняетъ на волнахъ,
Но съ судьбой напрасно споря,
Ибо я владыка моря,
И несу съ собою страхъ.

Я добычу
Не считаю,
Раздѣляю
Все равно,
Лишь бы только
Въ мигъ счастливый
Мнѣ съ красивой
Быть дапо.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный.
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
Море — родина моя.

«Я не вѣдаю боязни,
Къ смерти я приговоренъ.
Какъ бы этотъ я законъ
Да къ тому, кто слово казни
Произнесъ въ напрасномъ злѣ,
Не явилъ въ моемъ жерлѣ.
Иль повѣшу въ часъ напасти,
Я его на зыбкой снасти,
На его же кораблѣ.

Если-жъ гибель,
Ну, такъ что же?
Не дороже
Жизнь, чѣмъ мѣдь.

Я ужь сбросилъ
 Всѣ вериги,
 И объ игѣ
 Не жалѣть.

Мой корабль, — мой кладъ безцѣнный,
 Воля — Богъ мой, вольный я,
 Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
 Море — родина моя.

«Слаще музыки не чаю,
 Чѣмъ свирѣльный вой вѣтровъ,
 Скрипъ и трепеть парусовъ,
 Путь впередъ, куда не знаю.
 Въ ревѣ бури видѣть радъ
 Раскачавшійся канатъ,
 И среди пучины черной
 Сладко слышать мнѣ повторный
 Пушекъ яростный раскатъ.

И въ гудѣньи,
 Въ гулѣ грома
 Мнѣ знакомо —
 Не съ борьбой,
 Но на морѣ
 Колыбельномъ,
 Въ счастья цѣльномъ,
 Пить покой.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
 Воля — Богъ мой, вольный я,
 Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
 Море — родина моя.

Палачъ

Среди людей отброшенный къ презрѣнью,
Ихъ преступленья жертвою я сталъ,
Другъ друга ненавидѣть изъѣгаютъ,
И сгромоздили ненависть во мнѣ.
И, въ руку мнѣ вложивъ всю злую память,
Велѣли мнѣ быть мстителемъ за нихъ.
Такъ про себя промолвили: — «Пусть мщенье,
За насъ, за всѣхъ, пусть месть въ него падеть.
Пусть лобъ его хранить проклятье наше,
Пусть мѣситъ хлѣбъ на желчи съ кровью онъ,
И гербъ его есть вѣчность поношенья,
Его въ наслѣдство сыну передатьъ,
Онъ пр'клятый отъ общества навѣки».
И винъ своихъ покровъ швырнули мнѣ,
И отъ меня поспѣшно убѣжали, —
Мой плачь, мой крикъ, — нѣтъ жалости ему.

Кто къ смерти присуждаетъ, онъ возвышенъ.
Судья-ли человѣку человѣкъ?
Не чувствуетъ палачъ, не человѣкъ онъ, —
Воображаютъ люди иногда.
Не видно имъ, что тотъ же образъ Божій
Есть и во мнѣ! А я для нихъ какъ звѣрь,
И звѣрю въ пасть, порой, добычу бросать.
Какъ жертва тамъ въ зубахъ его хруститъ,

Такъ геній зла, меня избравъ орудьемъ,
Бросаетъ человѣка мнѣ на смерть.
И справедливо, я же лишь проклятый,
Безъ преступленья, но преступникъ я? —
Взгляните, какъ, за смерть платя, надмененъ
Кто платить мнѣ, — какъ деньги онъ швырнетъ
На землю, — мнѣ, тому, кто здѣсь съ нимъ
равный!

Та пытка, что ломаетъ кости, хрустъ,
И жалкій вскрикъ, съ которымъ осужденный
Промолвить: — «Ай!», и трескъ разъятыхъ жилъ,
Подъ топоромъ, который рухнулъ книзу,
Моя услада. И когда подъ гуль,
Съ которымъ голова падетъ на камни,
Несчастная въ кровавохъ брызгахъ вся,
Народъ объять свирѣпой суматохой,
Мой лобъ спокойно свѣтитъ надъ толпой,
Ужасный, съ торжествомъ неумолимымъ.
Весь гнѣвъ людей, и вся людская злость
Во мнѣ, жестокость душъ ихъ нечестивыхъ
Вся перешла дыханьемъ на меня,
И я, ихъ мечь, и мечь мою свершая,
Весь упиваюсь ужасомъ моимъ.

Онъ болѣе высокъ былъ, чѣмъ властитель,
Способный гордо растоптать законъ,
Палачъ, вниманьемъ этимъ всенароднымъ
Взнесенный, — власть была въ его плечахъ,
Насытился онъ ею, опьянился,
И въ этотъ день онъ такъ былъ услажденъ,
Что не могли не увидать веселья
Въ его лицѣ его жена, семья: —
Взамѣнъ густого мрака страшной жути,

Увидѣли усмѣшку въ горькомъ ртѣ,
Въ глазахъ огонь, судьбинный и упорный.
Палачъ съ враждой взнесенъ былъ на престолъ,
И тотъ народъ, который съ громкимъ крикомъ
Его бы могъ поднять на высоту,
Дрожа, призналъ, что онъ владыка и щеня.

Во мнѣ живетъ, какъ въ лѣтописи, міръ,
Судьба тотъ свитокъ кровью написала,
И на страницахъ красныхъ тѣхъ самъ Богъ
Напечатлѣлъ мой образъ величавый.
Ужъ вѣчность поглотила сто вѣковъ,
И сто еще, а зло во мнѣ, какъ прежде,
Свой памятникъ тяжелый зрѣть и зрѣть.
И тщетно человѣкъ, какъ вѣтромъ взятый,
Туда, гдѣ расцвѣтаетъ свѣтъ, летить,
Столѣтьями еще палачъ все править!
И съ каждой каплей красной, что на мнѣ,
Вновь зримо преступленье человѣка,
Неразлучимо-двойственная связь: —
Отображенъ всѣхъ временъ прошедшихъ,
И гнѣвныхъ, вслѣдъ за ними, сто тѣней.

О, почему отъ палача рожденъ ты,
Мой сынъ, мой мальчикъ, чистый какъ хрусталь?

Твой нѣженъ ротъ, какъ будто это ангель
Сквозь дѣтскій смѣхъ улыбку показалъ.
Твое чистосердечіе, невинность, —
О, горе мнѣ! — вся красота твоя,
Въ моей душѣ рождаютъ только ужасъ,
Зачѣмъ съ несчастнымъ этимъ тратишь ты,
О, женщина, любовность нѣжной ласки?
Явись какъ сострадательная мать,

И утопи его, онъ будетъ счастливъ,
 Ты можешь быть увѣрена вполнѣ.
 Что въ томъ, что миръ тебя сочтетъ жестокой?
 Иль хочешь ты, чтобы мое избралъ
 Презрѣнное онъ дѣло? Или хочешь,
 Чтобъ научился проклинать тебя?
 Подумай, будетъ день, и ты однажды
 Того, кто здѣсь играетъ предъ тобой,
 Увидишь, какъ меня, проклятымъ въ мірѣ,
 Преступнымъ, затемненнымъ, какъ меня!

Романсъ

Надъ вершиною Хорэба
Чуть рожденная Луна,
И могучій на равнинѣ
Рыцарь видится въ бронѣ.

Подъ лучомъ печальнымъ свѣтитъ
Крестъ на латахъ, на груди,
Паладинъ, въ защиту вставшій
За святой Ерусалимъ!

Бдетъ онъ отъ Иордана,
Вдоль теченья иногда,
И въ парадной и въ богатой
Блещетъ сбруѣ стройный конь.

Между тѣмъ ему навстрѣчу
Тамъ Арабъ на скакунѣ,
Онъ съ копьемъ, съ кривою саблей
И съ сіяющимъ щитомъ.

Конь бѣжить, гремитъ оружье,
Слышитъ, видитъ паладинъ,
Отпустилъ коню онъ поводъ,
И къ невѣрному, впередъ.

И Арабъ ужъ наготовѣ,
Жаждетъ славы, помнитъ честь,

Приложилъ къ плечу десницу,
Ринулъ въ смѣлаго копье.

Полетѣло съ быстрымъ свистомъ,
Невредимъ христіанинъ,
Пролетѣвши мимо, на земь
Пало, дрогнула земля.

«Сдайся, Мавръ,» ему кричитъ онъ,
«Ярость бѣшенства сдержи,
«Я Ричардъ.» — «А что мнѣ въ этомъ,
«Если я Абенаметъ?»

И въ отвѣтъ ему на слово
Мечетъ дикій онъ ударъ,
Сталь Дамасская сверкнула
Край у шлема срѣзанъ прочь.

Съ гнѣвомъ мощную сѣкиру
Самодержецъ Англичанъ
Взнесъ, тюрбанъ разрубленъ, вмѣстѣ
Съ мусульманской головой.

Эту тяжкую сѣкиру —
Изъ носившихъ тяжесть лать —
И обѣими руками
Не приподнялъ бы никто.

Перевороты Земного Шара

Ужъ тысяча вѣковъ прошла надъ міромъ,
Промчались какъ колонны изъ огня,
И міръ, объятый страхомъ, видѣлъ четко,
Свою предоущая гибель въ томъ,
Какъ половина видимой вселенной
Сокрылась въ Море, и ушла въ ничто.

Гигантскій ураганъ безмѣрной дланью
Качнулъ міротвореніе кругомъ,
И полосы содвинулись. И путникъ,
Блуждая, видитъ горную смолу,
Беретъ обломокъ Этны, — превращаетъ
Въ воздушность пыли твердую кору,
И смотритъ, нѣтъ-ли въ этомъ блѣдномъ прахѣ
Мозаики, гдѣ Геркуланумъ спитъ.
Гдѣ древле находилась Атлантида?
Взгляни туда, въ кипящій Океанъ,
Тамъ корабли, что, путь не разумѣя,
Прибрежій дальнихъ бросивъ тишину,
Довѣрили волнамъ желѣзный якорь,
И межъ обломковъ, скрытыхъ тамъ на днѣ,
Желѣзный якорь въ Морѣ зацѣпился,
Къ обломкамъ Атлантиды онъ прильнулъ,
Вонзился въ башни древней Атлантиды.

Гимнъ Безсмертію

Привѣтъ тебѣ, пламя творческое міра,
Вѣчнаго знанья пылающій языкъ,
Чистый зачатокъ, исходъ обильный пира,
Призракъ смертельный къ ногамъ твоимъ по-
никъ.

Ты вещество неподвижное волнуешь,
Велишь соединяться ему и жить,
Ты глину ваяешь, и въ обликахъ ликуешь,
Въ тысячахъ существъ свою проводишь нить.

Созданія свои разрушаешь напрасно,
Смерть преодолагаетъ надъ жизнью порой.
И вновь изъ обломковъ встаешь ты ежечасно
Въ новыхъ созиданьяхъ торжествующей игрой

Горнило Солнца питаешь ты собою,
Лазурью одѣваешь нѣмья небеса,
Луну серебришь надъ облачной мглою,
Тобой сіяетъ зорь вѣнчанная краса.

Рождаешь переклички въ роцѣ туманной,
Деревьямъ ты даруешь зеленый уборъ,
Въ рѣкѣ ты, какъ музыка съ печалью тонко-
ткашной,
Въ Морѣ — какъ хриплый угрожающій хоръ.

Въ цвѣтахъ ты выдыхаешь ихъ душу ароматомъ,
Въ долинахъ вздыхаешь любовью весной,
Шепчешь ты въ крыльяхъ воздухомъ разъятымъ,
Въ сѣверномъ вѣтрѣ гремишь глубиной.

Въ землѣ разливаешь золото обильно,
Кипящаго металла извиваются ручьи,
Жемчугъ расцвѣчаешь, и онъ хранитъ умильно
Въ пропастяхъ Моря отсвѣты свои.

Тучь фіслетовыхъ сгущаешь ты ткани,
Черную мантию качаешь ты въ вѣтрахъ,
Воздухъ зажжешь, онъ полонъ содроганій,
Ревомъ своимъ внушаешь ты страхъ.

Ты чистое сѣмя жизни безконечной,
Источникъ достовѣрный, безсмертно-молодой.
Свѣтъ, что Создатель излилъ къ намъ Вѣчный,
Сущность твоя — юность съ красотой.

Ты тайная сила, которая владѣть
Осями міра, понуждая вѣрный ходъ,
Глубокое и стройное чувство, что лелѣетъ
Любой изъ тѣхъ шаровъ, что живутъ небосводъ.

Столѣтья, которыя несутся, улетаая,
Твои неутомимые художники, кому
Довѣрена изъ духа рѣзьба золотая,
Ею украшаютъ тѣсную пюрму.

Ты водоворотомъ, вихремъ непрерывнымъ,
Толкаешь ихъ впередъ, столѣтія идутъ,
И новымъ ты велишь придти путемъ извив-
нымъ,
И только повелишь, столѣтія ужъ тутъ.

Въ томящемся стремленьи, тревожною рѣкою,
Уходятъ и приходятъ, не виденъ ихъ конецъ,
И въ дѣланьи вѣчномъ проворною рукою
Другъ у друга вырываютъ созидающій рѣзецъ.

Силы примѣняютъ въ стараніи упорномъ,
Работаютъ безъ устали въ безмѣрной мастерской,
Вещество ударяютъ ударомъ повторнымъ,
Трудъ умножая заботой и тоской.

Въ жизни текучей, въ глубокомъ Океанѣ,
Въ непрерывной перемѣнѣ проплываетъ че-
ловѣкъ,
И творческій поствъ обильныхъ созиданій
Ты льешь въ него потокомъ неистощимыхъ
рѣкъ.

Подними, человѣкъ, чело свое высоко,
Къ вѣчному потоку припади своимъ ртомъ,
Ты будешь какъ солнце, какъ зарево Востока,
Ты будешь безсмертнымъ, какъ міръ кругомъ.

Оглавление

	Стр.
Отрывокъ изъ Эдды. Пѣснь о Сигурдѣ	7
РУСТАВЕЛИ	
Грузинская ода къ Тамарѣ	18
Четырестрочія Вступительныя къ Грузинской поэмѣ 12-го вѣка «Носящій Барсову Шкуру»	19
УИЛЬЯМЪ БЛЭКЪ	
Радость — дитя	27
Маленькій мальчикъ потерявшійся	28
Маленькій мальчикъ найденный	29
Колыбельная пѣсня	30
Ночь	32
Тайна любви	34
Тигръ	35
Книга Тель	36
КОЛЬРИДЖЪ	
Кубла Ханъ	45
ВОРДСВОРТЪ	
Уединеніе	48
БАЙРОНЪ	
Прометей	50
Стансы для музыки	51
ШЕЛЛИ	
Облако	52
Къ жаворонку	55
Мимоза	60
Озимандія	72
ЭДГАРЪ ПО	
Воронъ	73
Колокольчики и колокола	80

Фейная страна	84
Улялюмъ	86
Аннабель-Ли	90

ДАНТЕ РОССЭТТИ

При паденіи листовъ	92
-------------------------------	----

УОЛЬТЪ УИТМАНЪ

Въ садъ міровой	93
Одинъ часъ безумья и радости	94
Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы органа	96
Мы двое, какъ долго мы были обмануты	97
Ласка орловъ	99
Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго	100
Какъ Адамъ раннимъ утромъ	101
Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью	102
Спящіе	104
Изъ колыбели безконечно баюкающей	107
Слезы	117
Прощай, моя Мечта	118

ТЭННИСОНЪ

Слезы	120
Кракенъ	121
Странствія Мальдуна	122
Вкушающіе лотосъ	132
Волшебница Шалотъ	140

ГЕТЕ

Границы человѣчества	146
Прометей	148

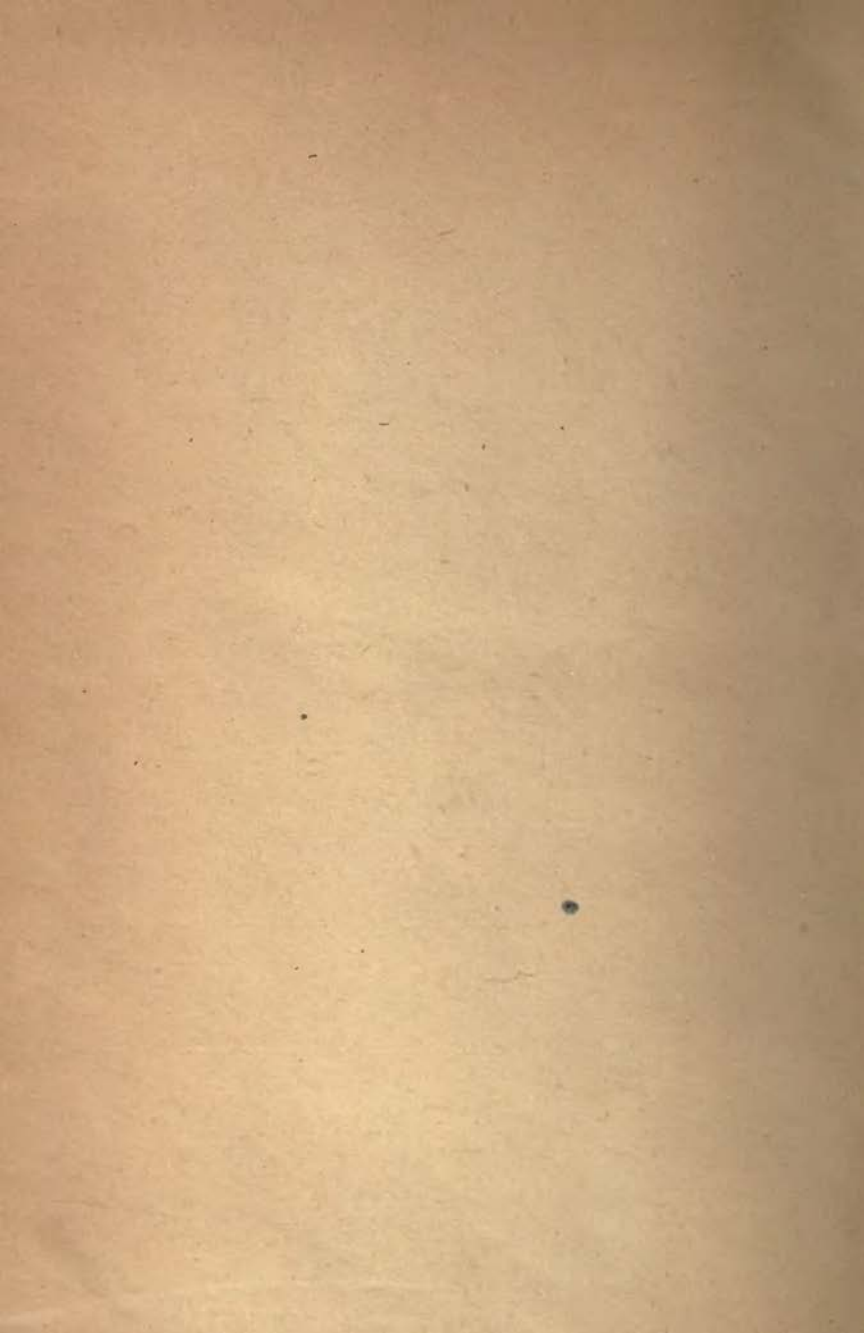
ГЕЙНЕ

Утромъ вставъ, я вопрошаю	151
Въ волшебномъ-свѣтломъ мѣсяцѣ май	152
Изъ моихъ скорбей великихъ	153
Твои бѣлые лиліи-пальцы	154
Когда разлучаются двое	155
На дальнемъ горизонтѣ	156
Мы всѣ у рыбацкаго дома	157
Король Гаральдъ Прекраснокудрый	159
На перекресткѣ зарываютъ	161

Смерть это свѣлая ночь	162
Что хочетъ слеза одинокая	163
Звѣзда сорвалась, упадетъ	164
ЛЕНАУ	
Солнечный закатъ	165
На пруду, гдѣ тишь нѣмая	166
Зимняя ночь	167
Къ печали	168
Тихая достовѣрность	169
Прощальный взглядъ	170
БОДЛЭРЪ	
Балконъ	171
Красота	173
Смерть влюбленныхъ	174
Гигантиша	175
Пропасть	176
ПОЛЬ ФОРЪ	
Пѣсенки	177
ВАНЪ ЛЕРБЕРГЪ	
Садъ замкнутый	182
Смерть	186
ЛЕОПАРДИ	
Къ самому себѣ	187
ДОНЪ ХОСЭ ДЕ ЭСПРОНСЕДА	
Къ Солнцу	188
Къ ночи	192
Пѣснь Пирата	196
Палачъ	200
Романсъ	204
Перевороты Земного Шара	206
Гимнъ Безсмертію	207

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.

**PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET**

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PN
6065
R8B35
1921
c.1
R0BA

